МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ
СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ
ТАЙФУН
придет из России

Сергей Иванович Зверев
Тайфун придет из России
Серия «Морской спецназ»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3937135
Зверев С. И. Тайфун придет из России: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57941-9

Аннотация

Задание, полученное капитан-лейтенантом Глебом Дымовым, изначально не выглядело сложным. Его отряд морского спецназа должен добраться до мексиканского островка Санта-Ирина и вывезти в Россию известного «оружейного короля» и «продавца смерти» Виктора Бутерса. Но Дымов и его начальство не знают, что Бутерс находится под покровительством ЦРУ и под охраной местного наркобарона. Спецам Дымова приходится решать задачи, балансируя на грани жизни и смерти. Но нет таких задач, которые оказались бы не по плечу российским боевым пловцам…

Содержание

2 сентября, полночь 4
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Сергей Зверев
Тайфун придет из России

Иногда корабль перестает тонуть, как только его покидают крысы.
А. Кумор

2 сентября, полночь

Огромная пятнистая мурена подкарауливала добычу. Выскользнула из расщелины в подводной скале, плавно опустилась в охапку водорослей и стала ждать. Первой жертвой оказался маленький осьминог, ползущий по своим делам. Распахнулась хищная пасть, глаза плотоядно заблестели. Стремительный бросок, мускулистое туловище изогнулось, и зазевавшийся «морепродукт» исчез в утробе оголодавшей рыбины. Пустилась наутек стайка золотистых рыбешек. Хищница подалась за ними… и вдруг, прервав преследование, ушла в расщелину. Из мутных пучин, издавая утробное урчание, надвигалось что-то массивное, округлое, созданное отнюдь не природой. Работал винт. Желтоватые пятна света прощупывали неровности морского дна – островерхие скалы, провалы в грунте, коралловые островки, обросшие мочалами водорослей. Инородное тело надвигалось, поблескивая корпусом из титанового сплава, и вскоре превратилось в

компактную подводную лодку класса «Пиранья». Двигаться дальше было опасно – скалы уплотнялись, просветы между ними превращались в щели. Затих двигатель, и субмарина опустилась на грунт, неподалеку от коралловой гряды.

И из торпедного аппарата начали выплывать аквалангисты, все в черных гидрокостюмах из пористого неопрена, в резиновых шлемах. Первая четверка двигалась налегке, плавно покачивая ластами. За спинами автоматы – двухсредные «АДС», оснащенные глушителями, ночными прицелами и тактическими фонарями. Следом двое волокли продолговатую стальную капсулу – грузовой контейнер. Замыкающая пара шла без груза, у этих двоих были стройные фигуры и вполне приятные для мужского глаза формы. Группа людей преодолела открытое пространство и погрузилась в лабиринты скал. Женщина, замыкающая процессию, сместилась с проторенной дорожки, обнаружив под собой глубокий провал, ощупала его лучом, а когда отправилась дальше, вдруг запуталась в ворохе водорослей, венчающих гряду, но не растерялась – выгнула спину, вытащила нож из чехла. Пара рубящих движений, и расползлись растительные щупальца, освобождая лодыжку. Шевельнулась мурена, затаившаяся неподалеку. Напряглась, готовясь к броску… и передумала. Не сказать, что у твари под лобной костью имелись мозги, но что-то там определенно имелось…

Капитан-лейтенант Глеб Дымов – 33-летний стройный парень, служащий 102-го отряда борьбы с подводными дивер-

сионными силами и средствами, дислоцированного в Севастополе, командир группы особого назначения специальной разведки ВМФ – вынырнул первым, тут же отбросив загубник легочного аппарата. Карибская ночь была прозрачна и безоблачна, мерцала выпуклая луна. Но тишиной и спокойствием она не отличалась. Дул порывистый ветер, величаво вздымались воды лагуны Кабаро. Мексиканский берег отсюда не просматривался, но как-то интуитивно ощущался. Прямо по курсу, на расстоянии кабельтова, возвышалась кучка островерхих скал. Миниатюрный островок Санта-Ирина – два гектара «полезной» площади в миле от побережья. С севера и юга остров поджимали рваные цепочки коралловых рифов. Обрывистые скалы сползали в море. Было слышно, как упругие волны разбиваются о камни, как шипит недовольная пена. Глеб бегло осмотрелся – баллоны с кислородом не позволяли долго «нежиться» на поверхности. Лагуна казалась вымершей. Сверхмалая подводная лодка проекта 865 «Пиранья» лежала на грунте к востоку от острова, на глубине двадцати метров. Официально в восьмидесятые годы в Советском Союзе построили лишь две подводные лодки данного проекта: «МС-520» и «МС-521», после чего от использования сверхмалых субмарин отказались – слишком трудоемкими были в эксплуатации. Лодки отбуксировали в Кронштадт для разделки на металлолом (одной из них доверили роль в «Особенностях национальной рыбалки»).

И мало кто знал, что существовала еще третья субмари-

на – «МС-522», так называемый «экспортный вариант». В восьмидесятые она ушла на Кубу. Позднее перебралась в Венесуэлу, к «другу Чавесу», но практически не применялась, в связи со сложностями боевой подготовки экипажа. И когда к ответственным лицам в правительстве Венесуэлы обратились представители российских спецслужб с просьбой одолжить на время лодку, то ответственные лица не нашли причин для отказа. Пользуйтесь, товарищи, вы наши лучшие друзья, но уж будьте добры – с собственным экипажем, в нашем флоте таких камикадзе нет…

Остаток пути Глеб проделал под водой. Обещанная бухта оказалась не выдумкой разработчиков операции. Хаотично громоздились скалы, а в той, что давила по фронту, образуя массивный козырек над крохотным намывным пляжем (единственным подходящим местом для высадки боевой группы), чернел грот. Он выбрался спиной, волоча опостылевшие ласты, стащил их, доковылял до грота, отстегнул акваланг, стянул автомат «АДС», так и не пригодившийся под водой (от акул с муренами отбиваться?), укрылся за камнем и наблюдал, как из моря возникают бойцы его группы. Отнюдь не тридцать три богатыря – поджарые, гибкие, ни одного упитанного или рослого (не берут в «морские дьяволы» тех, чей рост превышает 175 сантиметров, считается, что самые высокие нагрузки выдерживает человек массой до восьмидесяти кг и ростом ниже указанного), все проверенные, надежные, как автомат Калашникова. Черные тени скользи-

ли по умеренной волне, перебегали открытое пространство и укрывались под многотонным навесом.

– О, диос мио, какая же тяжелая эта легкая атлетика… – манерно стонала, стаскивая водолазное снаряжение и шлем из вспененной резины, смешливая блондинка Люба Ворошенко.

– Надеюсь, мы не в Гондурасе? – выражал надежду рассудительный Марат Равиуллин, с сомнением озирая свисающие с потолка «минеральные» сосульки. – Глеб, а мы точно на месте?

– Не доверяешь навигационной аппаратуре ГЛОНАСС? – усмехался Тарас Прихватилов – маленький, гибкий, обладающий удивительной способностью перемещаться по вертикальным плоскостям. Единственный «женатик» в команде, то есть объект безобидных насмешек, мол, несчастный человек, семь лет обходиться без женщины, и все такое…

– Эх, хвост-чешуя… – бурчала брюнетка Маша Курганова, выбираясь из воды.

– Торопись, Золушка, полночь уже настала… – поддерживал ее под локоть белобрысый красавчик Олежка Оболенский.

Молчаливый Издревой и «шут гороховый» Мишка Черкасов приволокли грузовой контейнер из легкого алюминия и пристроили его у стенки грота.

– Отгадайте загадку, товарищи, – сверкая белозубой улыбкой, объявил чернявый Мишка. – Без дела не болтает-

ся, в резину одевается. Сразу скажу, что это не то, о чем вы подумали.

– Да тихо ты, чего орешь… – зашипел Издревой, вскрывая контейнер.

– Равиуллин, Оболенский, осмотреть местность, – распорядился Глеб. – Убедиться, что все тихо, – и назад.

Две тени выскользнули из грота, а остальные сидели на корточках, сбившись в кучку и вслушиваясь в завывания ветра и утробный гул разбивающихся о скалы волн.

– Спокойной ночи, товарищи офицеры, – пробормотала Маша Курганова, закрывая глаза.

Но ночка выдалась неспокойной. Курортный сезон на Карибах, похоже, завершался, и она была прохладной, сквозняки, гуляющие по гроту, мгновенно высушив гидрокостюмы, навевали легкий озноб. Шторм усиливался – волны делались выше, энергичнее, шли в «психическую» плотными колоннами и уже заливали грот.

Через три минуты две тени бесшумно скользнули в пещеру, только камешек чиркнул под ногой у Оболенского.

– Тихо, товарищ капитан, – отчитался Издревой.

– Злодеи арестованы и уже дают признательные показания, – не удержался Черкасов.

– За работу, товарищи офицеры. – Глеб дождался, пока затихнут сдавленные смешки. – Попрошу отнестись к делу серьезно и не забывать, что мы не в танке. Автоматы оставить, разобрать «ПСС» из контейнера. Куда нас занесло, все пре-

красно знают. Это Мексика, дети мои. Страна цунами, землетрясений, вулканического пепла и, конечно же, знаменитых наркокартелей. Официально говоря, Соединенные Штаты Мексики. И не хихикать мне тут! Стараемся не думать о том, что никому из нас не нравится задание. Родина приказала, значит, нравится. План местности у каждого в голове. Мы на острове Санта-Ирина. Над нами… гм, частная тюрьма, где местные «мафиас», подчиняющиеся Хосе Рудольфо Баррозо, главе картеля «Кабаллерос Ночес», содержат своих партнеров и конкурентов по бизнесу. «Сидельцы» нас никоим образом не касаются. Попрошу усвоить, что на данной местности фактически не работают законы мексиканского государства, здесь все контролируется людьми наркобарона, с которыми наши добрые американские друзья каким-то образом заключили сделку…

– А что такое «Кабаллерос Ночес»? – спросила Люба Ворошенко. – Мой испанский несовершенен, Глеб. Я выучила только «диос мио»…

– Да и мы ни бельмеса, – вставил Черкасов.

– «Ночные рыцари», – растолковал Дымов. – Зарубите на носу, это не шпана. Наркокартели в Мексике – штука серьезная, и эти парни тут не в «Мафию» играют. Кровожадные, и никаких тормозов, убивают легко и просто. Так что если кто-то решил, что мы ищем сокровища с аквалангом, то есть время одуматься. В вооруженных отрядах наркоторговцев служат бывшие военные, сбежавшие из мексиканской

армии, так называемые «sicarios» – наемники. Тюрьму охраняют наиболее отмороженные. По имеющейся информации, их не более восьми. Разумеется, это не спецназ, не боевые пловцы, так… – Глеб усмехнулся, – презренная пехота. Но это не значит, что мы на прогулке. Остается три часа, товарищи офицеры. Вертолет с объектом прибудет за час до рассвета, во всяком случае, устроители мероприятия на этом настаивали. Через час этот кусок камня с красивым названием Санта-Ирина должен превратиться в территорию Российской Федерации, и… впрочем, флаги можно не вывешивать. С богом! Все готовы?

– Как всегда, Глеб Андреевич, – тихо засмеялась Маша, укладывая волосы под резиновый шлем. – Плоть немощна, зато какой дух! Справимся, не волнуйся.

– У нас есть план, и всем пипец, – поддакнул Равиуллин.

– Если эту штуку не охраняют древние заклинания, – хихикнул Мишка Черкасов, оставляя за собой последнее слово.

Фигурки боевых пловцов перебирались с камня на камень. Таились в расщелинах, осматривались, делали передышку и снова карабкались, общаясь знаками. Западная часть Санта-Ирины оказалась более пологой, чем восточная. Там имелась еще одна бухта (без пляжа) для захода мелких суденышек – с трех сторон ее подпирали отвесные скалы, и просматривалась седловина с тропой наверх. Тропа упи-

ралась в закрытую калитку, а от калитки в обе стороны тянулся двухметровый каменный забор, ограничивающий территорию узилища. Здесь практически не было растительности, лишь кое-где из расщелин топорщились чахлые кустики. Остров представлял собой неравномерный, «разлохмаченный», но тем не менее усеченный конус, в верхней части которого располагалась каменная чаша с известковыми пещерами – она и послужила много лет назад строительной площадкой для тюрьмы. «Романтики и эстеты – местные наркоторговцы, – думал Глеб, выбираясь на тропу под стеной. – В таком красивом месте отгрохать тюрягу – с видом на море, на живописное побережье в ясную погоду…»

Черные тени скользили по тропе. Вдруг Издревой оступился, и мелкий камешек скатился по наклонной, и все застыли. Но вроде обошлось – порывы ветра заглушили звуки. Внешний периметр, похоже, не патрулировался, и ничего удивительного, передвигаться по тропе у самого обрыва – занятие откровенно цирковое. Взобраться на стену не составило труда – неровности между блоками вполне тому способствовали. Глеб взлетел на гребень, спрятал голову в выемке. Распахнулся тюремный двор, мощенный бетонными плитами. В центре площадки было достаточно места для посадки небольшого вертолета. Прямо по курсу, у дальней стены, мерцала приземистая сараюшка с покатой крышей. В узком оконце мерцал огонек, и сквозь приоткрытую дверь просматривались груды ящиков, крытые брезентом, какие-то боч-

ки, навес от солнца, приделанный к сараюшке, где стояли стол и несколько плетеных стульев, – место отдыха от праведных трудов. В восточной части периметра возвышалось угрюмое сооружение, напоминающее сдвоенную и основательно сплющенную шахматную ладью. «Латинский колорит», – подумал Глеб, разглядывая крохотные, скругленные по верху оконца, дверь в центральной части здания, смотровую площадку, обращенную к морю и частично прикрытую зазубренной башенкой. Все это выглядело как-то неприятно, готично и меньше всего напоминало «Ласточкино гнездо».

На смотровой площадке что-то шевельнулось. Глеб застыл, начал всматриваться…

Когда он спустился, то в первое мгновение слегка опешил – подчиненные так успешно сливались с темнотой и рельефом, что он решил, будто все куда-то разбежались.

– Да тут мы, тут… – проворчал Прихватилов.

– Вот ты и давай, – распорядился Глеб, выстреливая пальцем, – семьдесят метров, и на «девять часов». Наблюдательный пост – разрешаю не церемониться. Издревой, Равиуллин, туда, – показал он в обратную сторону. – Северная часть двора – подозреваю, что это караульное помещение. – Он дождался, пока растворятся в темноте «посланные по адресу». – Остальные – за мной. И не высовываться!

– Имеется план? – спросила Люба Ворошенко.

– На месте разберемся, – буркнул Глеб.

– Отличный план, – восхитился Черкасов, забрасывая ав-

томат за спину, – «на месте разберемся»… В штыковую пойдем? Грянем грозное «ура»?

Пять голов над гребнем забора выгодно сливались с темнотой и для неискушенного наблюдателя могли бы сойти за складки местности. Тишину нарушали лишь посвисты ветра и глухое урчание прибоя где-то внизу. Но вот шевельнулось что-то на северной стороне. А на восточной – где стена периметра переходила в громоздкую надстройку под площадкой с башней, прорисовался силуэт, зацепился за что-то на углу, взмыл вверх и пропал. Спецназовцы затаили дыхание. Издевательски медленно тащились секунды, бледная мерцающая луна освещала часть смотровой площадки. И вдруг там завозилось что-то, выбралось из-за башенки, заковыляло к невысокому ограждению. Мелькнула призрачная субстанция, и часовой даже пикнуть не успел, как стальная удавка сдавила горло. «Сдвиг по фазе» с кручением шейных позвонков, и «неуправляемое» тело свалилось во внутренний двор, между стеной и зачехленными ящиками. «Виновник торжества» растворился в воздухе, словно и не было его.

– Отделался легким испугом, – цинично заметил Черкасов.

– Да уж… – озадаченно пробормотал Оболенский. – Этот пациент определенно не нуждается в дальнейшем лечении. В дорогу, командир?

– Ждем, – процедил Дымов. – Мы что, куда-то торопимся?

Промедление того стоило. С порывом ветра донеслось по-

кашливание, шарканье ног, и из-за башенки образовалась еще одна фигура. На посту, оказывается, был не один часовой, а двое!

– Вот черт… – пробормотал Черкасов.

Караульный постоял на открытом месте, повертел головой, потом приблизился к внешнему ограждению, перегнулся вниз. Вместе с ветром прилетело слово – должно быть, он позвал напарника по имени. Не дождавшись ответа, пожал плечами и побрел к внутреннему бортику, где и нашел свой бесславный конец. Образовавшийся «демон ночи» сделал несколько отработанных движений по отъему жизни, и очередное туловище отправилось в полет. Сдавленный хрип, недолгая конвульсия…

– Лунный удар получил, – не замедлила с комментарием Маша Курганова.

– Не повезло, – пожалела упавшего Любаша. – По себе знаю: когда падаешь, еще ничего, а вот когда приземляешься…

– Зажигает наш Тарас, – усмехнулся Оболенский. – Не пора ли в путь-дорогу, командир?

– Да куда ты гонишь? – проворчал Глеб. – Повоевать не терпится?

Две кляксы соскользнули с северной стены, подались к предполагаемому караульному помещению и, встав у двери, извлекли устрашающие «катраны» с антибликовым напылением и волнообразным обушком.

– А вот теперь ходу, – среагировал Глеб, едва Равиуллин и Издревой растворились в караулке. А когда все пятеро спрыгнули со стены, добавил: – И не мерцать мне тут, мы «дьяволы», а не воины света, блин…

Спецназовцы растекались по двору, прятались за «естественными» укрытиями. Любаша по стеночке пробиралась к «парадному», Черкасов и Оболенский решили убедиться, что с «прыгунами» покончено бесповоротно. Глеб припал к стене, увидев над собой размытый силуэт, бросил:

– Тарас, оставайся наверху, следи за обстановкой… – и, махнув Марии, побежал, пригнувшись, через двор к караульному помещению.

А оттуда, отдуваясь и глухо препираясь, уже вываливались двое.

– Не ходи туда, Глеб, – буркнул Равиуллин, – там поздороваться даже не с кем.

– Двое их было, – добавил Издревой. – И не сказать, что в головах по полтора килограмма мозгов…

И все же Глеб полюбопытствовал. Ничего особенного он в караулке не нашел. Каменные стены, жесткие нары, застеленные отнюдь не бархатом, календари с «произведениями» в стиле ню (шестой размер, тонкий вкус у тюремщиков), грязно, неуютно, накурено. Горела тусклая лампочка – где-то в недрах подземелья трудился дизель-генератор. В мерклом свете проступало настенное бронзовое распятие. Богоугодным делом занимаются?

– Это еще не так возмутительно, – утробно бормотала в затылок Маша. – Я читала в Интернете, что у мексиканских наркодеятелей имеется свой собственный «наркотический» святой – некий Иисус Мальверде. А еще святая – донья Санта Муэрте. Им храмы в Мексике возводят, всей братвой грехи замаливать приезжают…

Два трупа с перерезанными горлами добавляли мрачных оттенков. Оба стриженные под ноль, у одного – усы, переходящие в козлиную бородку, в мешковатых штанах защитного цвета, в жилетке и добротных бутсах, другой в засаленной тенниске с изображением какого-то развязного дракона. На столе стояла рация, по счастью, выключенная. Глеб нахмурился, рисковое дело – а вдруг начальству на «материке» приспичит связаться с тюремной бригадой? А ведь не может не приспичить!

– Ты прав, командир, – вздохнула Мария, проследив за его взглядом. – Головой нужно думать, а не храбростью. Одного из этих «богомольцев» надо оставить в живых и всучить ему рацию.

Двор проверили, вынесли диагноз: чисто. Спецназовцы сконцентрировались у входа, готовясь к зачистке здания. Глеб уже пошел, уже обнажил свой бывалый «катран», как вдруг Любаша, прилипшая к крыльцу, сделала знак, и все отпрянули, услышав шаги за дверью. Кто-то собирался выйти на улицу! Заскрипела дверь – и жилистый малый, украшенный окладистой бородой, с «калашниковым» на плече,

вывалился на крыльцо. Слепящий свет, немое изумление – и донышком ладошки под затылок Любаша перевела партию в эндшпиль. Очередной «sicarios» исторг что-то непереводимое, сложился пополам и загремел вниз. Бойцы склонились над упавшим – за исключением Оболенского, который подлетел к двери и взвел курок бесшумного пистолета.

– Он что-то бормочет? – спросил Равиуллин.

– А хрен его знает, – пожала плечами Любаша. – Речь невнятная, кругозор ограничен, – и встала на колено, чтобы добить неприятеля.

– Отставить, Ворошенко, – опомнился Глеб. – Не сочтите меня за гуманиста, товарищи офицеры, но этот тип нам нужен живым. Издревой, Равиуллин, доставить товарища в караулку и не спускать с него глаз. Полиглотов в группе не держим, я так понимаю?

– О, да, – хихикнула Любаша со своим «железно» заученным «диос мио». – А еще я китайский, помню, пыталась освоить – ведь кто-то должен допрашивать пленных китайцев…

– Какие вы темные, – покачал головой Дымов, знающий по-испански пару сотен слов. – Хорошо, проводить товарища в караулку, не бить и постараться, чтобы этот экземпляр не дотянулся до рации. Позднее разберемся. Черкасов, остаешься здесь. Остальные – внутрь…

В каталажке сеньора Баррозо царили смешанные запахи, но превалировали ароматы гнили и плесени. Коридор

освещался скудно – насыщенный сквозняками, с отсыревшей штукатуркой на стенах, он плавно извивался и в итоге привел к заброшенным помещениям первого этажа и упавшей лестнице. Похоже, в прошлом здесь протекали бурные сражения, и их последствия не разгребли и по сей день. Тюрьма расположилась в подвалах – промозглый каменный мешок, винтовая лестница, засохшие пятна крови на ступенях. Спускались осторожно, прижавшись к стенам, изготовив ПСС – самозарядные специальные пистолеты «Вул» для бесшумной и беспламенной стрельбы. Любаша буркнула, что обучали ее, собственно, не этому, но под ястребиным взглядом командира тут же замолчала. Сделали несколько витков, прежде чем образовался проем на первый подземный уровень. «Некогда нам тут канителиться, – подумал Глеб, – не за этим мы здесь». Он ускорился, замер у края, почесывая ухо стволом. Сквозь кирпичную кладку в потеках «кетчупа» просматривался фрагмент зарешеченной камеры, в которой что-то ерзало и кряхтело. Направо еще один проем – продолжение винтовой лестницы. Глеб покосился через плечо и увидел Олежку Оболенского с закушенной губой, прижавшегося к косяку напротив. Он волновался, кадык подрагивал, густые брови взмокли от пота. Женщины держались в арьергарде, помалкивали (что, видимо, стоило немалых усилий).

– Бери Любашу – и туда, – шепнул Глеб, – а мы с Маней – ниже.

Оболенский кивнул, Любаша встрепенулась – и оба на носках просочились в проем. Глеб неодобрительно проводил их глазами. Похоже, у этой парочки (нашли друг друга двое белобрысых) в свободное от службы время что-то было, что, собственно, не возбранялось, хотя и не являлось предметом гордости и подражания. Слишком уж недвусмысленно они порой переглядывались. Глеб исподлобья покосился на Машу Курганову, а Маша – на Глеба. Спокойная, подверженная меланхолии, в меру циничная, нужно сильно постараться, чтобы вывести ее из себя. Не сказать, что красавица, но многим нравилась – и с обаянием все в порядке. Двадцать девять лет, разведена, маленький сын обретается где-то в Тамбове на попечении родителей, а сама занимается черт знает чем, вместо того чтобы с сыном сидеть. В прошлом году перевелась с 431-го морского разведывательного поста, дислоцированного в Туапсе, – конфликт с командиром разведроты полка морской пехоты, нашла коса на камень (похоже, со взаимностью не срослось). В отряде ПДСС прижилась, стала своей, амуры не водила, снимала комнату на улице Ленина в Севастополе. Впрочем, в ту пору Глеб над ней не начальствовал, служил в параллельном подразделении водолазов-разведчиков и не вылезал из утомительных зарубежных командировок. А потом наблюдал за ней – и в деле, и после дела, и на «корпоративных» банкетах – подмечал, как настороженно относится Мария к мужскому полу (на молоке обожглась – теперь на воду дует), как отвергает ухаживания бравых во-

долазов, временами косит в его сторону, молчит и задирает нос. Ох, не до амуров ему сейчас… Или нет?

Едва ступили на лестницу, за спиной раздался сдавленный хрип, и из-за угла высунулся Олежка, поясняя с виноватой улыбкой:

– «Двухсотый» у нас, Глеб, все штатно, продолжайте движение…

Они спускались под землю, замирали перед поворотами. Машины глаза азартно поблескивали, она уже обгоняла его, забирала инициативу. Наблюдения за «объектом» показывали: рука у Маши нетяжелая, быка не завалит, но тренировки по вьетводао даром не прошли – в ближнем бою эта девушка была непредсказуема. Коридор едва освещался. Заплесневелые кирпичные стены, выпавшая кладка, глубокие камеры-ниши, в которых отсутствовало освещение, но что-то там посапывало и вздыхало. Кто-то был за поворотом – опасный и вооруженный. Глеб чувствовал, как ему передается энергия девушки – вибрация пошла из желудка. «Так и до сексуального возбуждения недалеко», – опасливо подумал Глеб. О чем это он подумал?.. Узкий проем – настолько узкий, что вдвоем в нем делать нечего, и они застыли по краям. Он подавал ей знаки, что двоих этот «Боливар» не унесет – пусть не лезет поперек батьки. Она и не смотрела на него, думала о своем. А потом глянула, да так понятно – мол, если я на тебя не смотрю, то это не значит, что я тебя не вижу…

Он шмыгнул внутрь… В старом продавленном кресле

устроился очередной наймит сеньора Баррозо – кривоногий, в сапожках с нелепыми отворотами, в соломенной шляпе с провисшими полями. На коленях у боевика лежало помповое ружье системы «Ремингтон». Наемник открыл глаза, почувствовав что-то непривычное, выкатил их, когда из темноты метнулось что-то черное, в облегающей резине, и вскинул помповик. Дымов ударил сидящего обеими пятками – и оседал его, когда тот перевернулся вместе с креслом. Грудь сдавило, бедняга посинел, издал протяжный «паровозный гудок». Щетина на горле так кусалась, что было ощущение, будто Глеб вцепился в ежа. Он отпустил страдальца и всадил кулак в его переносицу. Мексиканец дернулся и потерял сознание.

– Гуманист ты, Глеб Андреевич, – заметила Маша. – Впрочем, часа на полтора ты его от земных удовольствий удалил…

Они прислушались – вроде тихо. Кресло с человеком по определению не падает бесшумно, но и большого грохота при обрушении не было. Глеб указал на левый коридор – мол, двигай, и шепнул:

– Поосторожнее там, Марья Ивановна…

Она посмотрела как-то странно и, не менее загадочно улыбнувшись, растаяла во мраке. А он свернул направо, смутно соображая, что в подземной громадине остался как минимум один «необработанный» тюремщик, и с этим фактом нужно что-то делать. Освещение в утробе подземелья

было скудное. Лампочки болтались через несколько метров. Он чуть не ступил в засохшую кровавую лужицу, двинулся к решетке, чтобы обогнуть ее, и реально оробел, когда в прутья вцепились узловатые пальцы, засверкали глаза, и проявилась синюшная кожа, обтянувшая скулы. Схватив его за рукав, узник забормотал по-испански: пор фавор, сеньорэ, пор фавор… Познаний в языке хватило понять, что страдалец умоляет передать господину Хосе Рудольфо Баррозо, что Луис Порфирио Гонсалес ни в чем не виноват, его оклеветал мерзкий прислужник Теренсио, положивший глаз на сестру Луиса Порфирио, Дульситу. И он уверен – и видит Иисус, что это так! – что именно Теренсио сдал агентам из Мехико тот самый грузовичок с кокаином, из-за которого и разгорелся сыр-бор. «Ей-богу, Мексика какая-то», – уважительно подумал Глеб, вырываясь из клешней сидельца. На шум очнулся обитатель соседней камеры и тоже притерся к решетке. Глеб отшатнулся – уж с этой жертвой криминальных разборок он точно общаться не хотел. У мученика отсутствовал глаз, правую сторону лица украшал глубокий рубец, под которым запеклась кровь. Он тянул к Глебу руки, шамкая беззубым ртом.

Цепная реакция не пошла, тюрьма не взорвалась. Глеб отдышался в темной зоне, шагнул за поворот и прижался затылком к стене, почувствовав холодок ниже загривка. Центральная часть коридора худо-бедно освещалась, вдоль стен тянулись зарешеченные камеры, воняло гнилью, разложени-

ем. Он стоял в единственном месте, куда не проникал электрический свет. Одна из решеток была отомкнута, и за ней мерцал охранник. Здоровый громила, видимо, из тех, что тащат собственный гроб на собственных же похоронах, выволок из камеры тщедушного узника, заросшего клочковатой бородой, прижал его к стене и проводил ночные «оперативно-следственные мероприятия». Больше этой ночью ему заняться было нечем. Габариты мордоворота внушали уважение, не каждый день таких встречаешь. Косая сажень в плечах, рост под два метра, голова, как ведро, окладистая борода чернее ночи. Кулачищи, бутсы сорок девятого размера. Свирепости хоть отбавляй! Видно, яркая достопримечательность местной конвойной команды. Узник и не помышлял о сопротивлении, только бормотал слова молитвы, обращенные к Деве Марии, и закатывал глаза. А громила дважды треснул его затылком о стену, вынул нож, приподнял страдальца за шиворот, – при этом ноги у того повисли в воздухе, – начал щекотать горло лезвием и что-то замогильно вещать. Возможно, у колоритного господина имелись собственные счеты к арестанту. Или он требовал выдать «страшную военную тайну».

Глеб почувствовал предательское желание оставить эту парочку в покое, забрать своих людей, вернуться к выходу и запереть тюрьму. Эту тушу пулей не возьмешь. Пусть они тут маринуются в собственном соку – какое ему дело! Но раз уж забрался в чужой монастырь…

Он стиснул рукоятку. А громила почувствовал, что в коридоре присутствует некто еще, прервал экзекуцию, втянул воздух мясистым носом, повернул голову и хрипло задышал. Помимо прочих «приятностей», вроде яркой внешности и звериного чутья, он был еще и одноглазым, правую глазницу закрывала черная повязка.

– Паскаль, это ты? – прорычал он.

Глеб отмалчивался. Не дождавшись ответа, охранник задумался. Он был не из тех, что умирают от передозировки интеллекта, и дальнейшие действия это подтвердили. Громила грубо водрузил истязаемого в камеру (тот завыл, поскольку приземлился не вполне технично), замкнул задвижку, перебросил нож в другую руку и стал приближаться, поигрывая лезвием. Глаз у здоровяка был один, зато какой! Горел, как фара дальнего света. А когда выяснилось, что «молчун» явно не из его команды (да и одет как-то странно), физиономия перекосилась, побагровела, он ускорил шаг и начал неуклюже стаскивать со спины «АК-74» – не самый подходящий инструмент для работы в лабиринтах. Глеб выстрелил в «центр композиции» – на рукопашную он как-то не решился. Не сказать, что «ПСС» совсем уж бесшумный… но ладно. Охранник одолел полпути, вздрогнул, потяжелев на несколько граммов свинца, потом взревел, как взбешенный буйвол, физиономия превратилась в какую-то маску из театра ужасов, и пошел на Глеба! Глеб попятился, выстрелил еще раз, потом третий, четвертый, пятый. Да падай же, блин! Тот

вздрагивал, обливался кровью, но шел, глядя на обидчика с нескрываемым вожделением, тянул к пловцу трясущуюся длань с ножом. Последнюю пулю в обойме Глеб отправил в лоб – мог бы и сразу догадаться! Бандит застыл в каком-то метре, глаза его помутнели… и он шумно повалился на пол.

«Бывает же такое», – опасливо приблизился к мертвецу Глеб. Ну и туша, такому только в корриде участвовать – за красной тряпкой бегать. Что там Мишка говорил про «древние проклятия»? Он обогнул покойника и, не удержавшись, обернулся – такой и после смерти может за ногу схватить. Его аж передернуло всего – ну, и «встреча на Эльбе». Ладно, всякое бывает, это всего лишь обычный бандит. Пиратская версия. Глеб отправился дальше – мимо камер, издающих жалобные стоны, мимо мерцающих ламп. Перебежал в соседнее крыло второго «цокольного» этажа, дважды свернул и внезапно наткнулся на Машу Курганову. Девушка стояла, держась за прутья решетки, и зачарованно рассматривала содержимое каменного мешка, освещаемое лампой. Она безучастно покосилась на него, и Глеб застыл, заинтригованный.

– Ты не занята? – прошептал он.

– А что ты предлагаешь? – Маша сглотнула. – Я согласна.

– Ты даже голову не повернула на шум…

– Побойся Бога, Глеб Андреевич, я знаю твои шаги… Слушай, тут женщина в камере – молодая и в прошлом привлекательная. Не так давно она покончила с собой – отка-

лывала от стен сырую штукатурку и ела. Давилась, пока та колом в горле не встала. Жуть пещерная! Слушай, куда мы попали? Это же зверье, а не люди…

– Картели воюют друг с другом, а с недавних пор и с населением, которое относится к ним не слишком лояльно, – объяснил Глеб. – Ты знаешь, что ежегодно в этих войнах гибнет до пятидесяти тысяч ни в чем не повинных мексиканцев?

Она как-то странно покосилась на него, и вдруг из глаз плеснула молния – он и ахнуть не успел, как она выхватила «катран»! Как славно, что он не стал шевелиться! Нож кувыркнулся в дюйме от уха, за спиной отрывисто всхрапнули, и Глеб обернулся. Все уже кончилось. Возможно, этот парень какое-то время стоял за углом, набирался храбрости, а потом решил возникнуть, чтобы срезать их одной очередью. Молодой, ничего бандитского в лице; он выронил автомат и, держась за рукоятку ножа, торчащую из горла, смотрел на Глеба, как таракан на занесенный тапок. Уже начинались конвульсии, но он не падал. Широко расставив ноги, покачнулся и начал судорожными рывками вытаскивать нож из горла.

– Эй, эй, дружище, опомнись, не советую, – встрепенулся Глеб.

Но тот проигнорировал его слова, возможно, оттого, что они звучали по-русски? По мере извлечения ножа хрип усиливался, агония убыстрялась. Наконец он выдернул «катран», из шеи тут же хлынула кровь. Парень задохнулся и хлопнулся навзничь.

За углом было чисто. Тишина на «точке», если игнорировать коровье мычание из соседней камеры. Глеб поднял нож, вытер его о штанину погибшего, протянул Маше, которая подходила на негнущихся ногах:

– Держи.

– Спасибо…

– Тебе спасибо. Ты моя умница… – шепнул он, поцеловав ее в липкую щеку. – Благодарю за службу.

– Цените, Глеб Андреевич, – как-то вымученно улыбнулась она, – ваша Марья по ночам такая искусница…

Глеб поцеловал ее в другую щеку – она не стала драться и кусаться, только цвет лица быстро поменялся – словно морилкой девушку покрыли.

– Вот черт… Я в порядке, Глеб, – смутилась Маша.

– А жалко, – улыбнулся он, – предыдущей ты мне понравилась больше.

– Издеваешься? – снова вспыхнула она. – И что ты предлагаешь? Познакомиться поближе? Немножко безобидного секса? – и тут же сделалась злой и раздраженной.

– Прости, товарищ старший лейтенант, – опомнился Глеб, – ничего такого. Скажи, а ты точно была замужем?

– Точно, – огрызнулась Маша, – могу ребенка показать. Опыт имеется, готова продолжить. Но за тебя я точно не пойду, Глеб Андреевич, не мой ты идеал. Ладно, товарищ капитан, простите даму с высшим образованием…

– Она еще и с высшим образованием, – присвистнул

Глеб. – Больше нечем психику калечить?

– Это был физкультурный институт…

– Тогда простительно. Кстати, это девятый. – Он резко повернулся и выстрелил пальцем в покойника.

– Не поняла, – сглотнула Маша.

– Это девятый, – повторил он, – как минимум девятый. На инструктаже засекреченные товарищи из спецслужб категорически уверяли, что ночная охрана на Санта-Ирине – восемь отмороженных голов. Надеюсь, это была их единственная промашка. Пошли наверх.

Он снова входил в командирский раж. Болтаемся без дела, товарищи «майчане»? Вам скучно и одиноко? Нечем заняться? И эта аморфная кучка бездельников – те самые, кого отличает высочайший профессионализм и непроницаемая завеса тайны? Строиться, лоботрясы! Разминка кончилась, готовимся к операции!

– Опять он нам мешает не работать, – беззлобно ворчал Черкасов.

В принципе, мог и не ворчать. Потерь не было, работали по плану. Приплыли, увидели, победили. Вторично осмотрели территорию, убедились, что неучтенных врагов на острове не осталось. Выставили пост – Тарас Прихватилов уже обжился на смотровой площадке, откуда открывался вид во все пределы и, разумеется, на небо. Водолазное облачение убрали за разрушенную лестницу. Переодевались в «маскарад-

ные костюмы», заимствовали оружие у мертвых охранников. Тела стащили в ближайшую пустующую камеру и свалили в кучу. Семеро мертвецов, восьмому повезло – мог оклематься через несколько часов, но и его сгрузили в общую массу. Девятому тоже подфартило – долговязый увалень по имени Хосе Мигель дель Пино трясся в караулке под надзором боевых пловцов и уверял, что связь со «штабом» группировки сеньора Патрисио Отеро, правой руки господина Баррозо, осуществляется дважды за ночь: в полночь и около четырех. Сегодня могут позвонить дополнительно, в связи с доставкой «промежуточного груза» (о характере груза он – ни сном ни духом), но в какое время это произойдет, рядовому составу не сообщалось. Пришлось привязать «счастливчика» к столу, пригрозить поркой за непослушание и поместить в непосредственной близости Марата Равиуллина, не испытывающего слабости к международному криминальному элементу. Узников тюрьмы решили игнорировать – со всеми их моральными и физическими страданиями. Куда их? Жалко людей, но как их вызволить? Открыть камеры? До берега вплавь не доберутся. Забрать с собой на перегруженную субмарину? Пловцы внимали последним инструкциям, до прибытия объекта оставался час. «Вот и осень, скоро в баню», – пошучивал Олежка Оболенский. Серега Издревой вспоминал Чечню десятилетней давности – еще и не так возились в осенней распутице. Доказывать командованию Вооруженных сил, что бойцы спецназа ВМФ работают в

других условиях, было бесполезно. Воевали все, невзирая на сухопутный характер Второй чеченской кампании. Водолазов-диверсантов вводили в состав морской пехоты, отправляли в разведывательные подразделения. Служили Родине, как могли. Через мясорубку Кавказа, будучи совсем еще молодыми, прошли Издревой, Прихватилов, Олежка Оболенский. Глеб Дымов, окончивший годом ранее Морской корпус Петра Великого – Санкт-Петербургский военно-морской институт, факультет специальных вооружений, четыре месяца бегал по горам за неопрятными бородатыми личностями, пока не получил ранение в бедро и не убыл с почетом на долгое и «принудительное» лечение.

Ночь была в разгаре. Море штормило, ветер не прекращался. Со стороны могло показаться, что тюрьма на Санта-Ирине живет обыденной жизнью: мялся часовой на сигнальной площадке, мерцал огонек в караульном помещении, по двору болтались невнятные субъекты в мятом камуфляже и стоптанных сапогах, вооруженные вездесущими автоматами Калашникова и «М-14» со складными прикладами – компактной модификацией американской автоматической винтовки «М-16». У западной стены, недалеко от калитки, соорудили помост из ржавых бочек, и получился дополнительный наблюдательный пункт, с которого просматривался участок моря между островом и мексиканским берегом. Глеб вглядывался в узкую ленточку побережья. Ему казалось, он различает отдельные скалы, метелки пальм, кучки зданий на

северо-западе.

– Ни хрена не понимаю в вашей Мексике. В Сочи лучше, – вынес вердикт Серега Издревой, махнув рукой, спрыгнул с помоста и потащился в караулку – выяснять, нет ли в этом «доме» что-нибудь поесть.

– Юкатан, – вздохнул Глеб, – колыбель цивилизации майя. Прибыли конкистадоры, входят в первую деревню: мол, что за станция такая? А индейцы им в ответ: «Юкатан» – что в буквальном переводе с языка майя: «Мы вас не понимаем».

– Вот именно, хрен поймешь без бутылки, – пробормотал Оболенский. – А подробности, Глеб?

– А подробности – письмом, – усмехнулся Дымов. – Все равно не запомнишь, зачем тебе? Свободный и суверенный штат Кинтана Роо, в котором расположен курортный город Канкун, излюбленное место отдыха наркобаронов. Муниципальный округ Исла-Мухерес, столица муниципалитета далеко на островах, население самое мизерное в Мексике. Информация для Черкасова, – засмеялся Глеб, покосившись на Мишку, имеющего стойкое и неконтролируемое влечение к женскому полу, – Исла-Мухерес в переводе с испанского – «остров женщин».

– Здорово, Глеб! – восхитился Мишка. – Только на хрена? Закончим работу и снова под воду, какой тут, к лешему, остров женщин? Лучше по Каракасу погуляю, если время останется.

– Черкасов, ты непобедим, – укорила Маша.

– Да, я человек религиозный, – под сдержанные смешки возвестил Мишка, – свято верую, что после смерти попаду в женское общежитие.

– Чуть правее, – продолжал Глеб, – крохотный городок Пуэрто Фелипе. Девять тысяч населения, маленький порт, несколько отелей для туристов-экстремалов. Прибрежная полоса джунглей, населенная всякой гадостью и болезнями, глубже – пустыня. Ни рек, ни деревень, сплошная глушь. Вся власть принадлежит сеньору Хосе Рудольфо Баррозо с его бандитами, обученными на военный лад… но об этом вы знаете. Армия покруче официальной. Минометы, тяжелые гранатометы, противотанковые ракеты, осколочные гранаты. Контингент – бывшие военные и полицейские. Увольняются из органов, перебегают дорогу к рекрутскому пункту наркокартеля, которых как грязи, мол, требуются убийцы для интересной работы, все такое, записываются на службу – вроде как престижнее и прибыльнее. Транспортировка кокаина из Колумбии, выращивание собственной марихуаны, изготовление героина и амфетамина в лабораториях, в общем, жизнь веселая. Официальная власть – номинальная, обслуга наркоторговцев, только в форме и при должностях. Террор, запугивание, правовые нормы в стране отсутствуют, наркомафия давно выиграла войну с государством.

– Ты такой эрудированный, – похвалила Любаша, – и что мы делаем рядом с тобой? Оттеняем твой свет своей пещер-

ной дремучестью?

– Он такой, – согласилась Маша. – Знает все, кроме таблицы интегралов. Жалко, что в Мексику не попадем. Начало осени, курортный сезон еще не кончился…

– Бери отпуск и езжай, – фыркнула Люба. – Ну, не в Мексику, понятное дело. Турция, Кипр, Испания…

– А ребенка куда? Во-первых, с отпуском проблемы, во-вторых, моя Испания называется Тамбов, в-третьих, зарплата и деньги – вещи несовместимые, в-четвертых… – Она задумалась: а нужно ли «в-четвертых»?

– Да, я слышал, что деньги очень сильно портят тех, у кого их нет, – сказал Мишка. – Может, тебе дополнительную работу взять, Маша? Или найти себе… помесь банкомата и фаллоимитатора. – Он радостно засмеялся и охнул, получив острым кулачком под дых.

– А ну-ка, заткнулись, – насторожился Глеб и навострил ухо. Ему послышался треск вертолета за посвистом ветра… Могло и почудиться.

– Полундра, товарищи? – насторожился Мишка. – Намекаешь, что летит наш «узник совести»?

«Узника совести» звали Виктор Павлович Бутерс. Большой предприниматель и общественный деятель. В августе текущего года этому человеку со сложной и богатой биографией исполнилось сорок восемь лет. В США его окрестили «продавцом смерти», «оружейным королем», возве-

ли в ранг наиглавнейшего мирового зла. Фигурант «черного списка» Управления по контролю над иностранными авуарами министерства финансов США – банковские счета таких лиц решительно блокируются, американцам запрещается вести с ними дела. В Российской Федерации к Виктору Павловичу относились более сдержанно, но в определенных кругах тоже не любили – впрочем, не за перечисленные титулы, а по причине его чрезмерной информированности и умения влиять на мировые процессы. Американские правоохранительные органы инкриминировали господину незаконную торговлю оружием, сговор с целью убийства американских граждан, продажу крылатых ракет (что, в сущности, большая наглость) и поддержку терроризма посредством сотрудничества с революционной народной армией Колумбии. Талантливый от рождения человек, с высоким уровнем интеллекта и широким кругозором, с детства неравнодушный к небу, он служил в военно-транспортной авиации, летал в Судан, в Нигерию. В годы становления дикого капитализма открыл собственную фирму, занимался организацией транспортных перевозок. Кочевал по арабскому миру, по Азии, по Африке, набирался опыта. Перевозил легальные военные грузы, цветы, оргтехнику. Имел не афишируемые договоры с российским оборонным ведомством о поставках в Юго-Восточную Азию российских истребителей. С какого времени против Виктора Павловича ополчилось американское правосудие, сказать теперь трудно, но уже в конце девяностых запад-

ная пресса трубила, что господин Бутерс занимается нелегальной торговлей оружием в странах, на которые распространяется международное эмбарго. Дыма без огня, как известно, не бывает. Виктор Павлович гонял оружие в Конго, Афганистан, Анголу, Руанду, договаривался с представителями «Талибана», «Аль-Каиды», той же ФАРК – Революционной армии Колумбии. Он рос, матерел, скупал политиков и представителей крупного бизнеса, водил знакомства с конгрессменами в Капитолии. Ходили слухи, что он негласно выполнял заказы Росвооружения и знал о многих секретах Российской Федерации – например, о вывезенных из страны миллиардах. Вел свой бизнес в Голландии, но был вынужден бежать. Голландия обвинила его в контрабанде алмазов и отмывании денег и объявила в международный розыск. Бутерс укрылся в России, ООН ввела запрет на его перемещения, заморозила счета. В двухтысячные годы на Бутерса ополчилась чуть ли не вся правоохранительная система западного мира. Прибрали его в Малайзии – агенты управления по борьбе с наркотиками (DEA), выдававшие себя за эквадорских повстанцев. Провели «контрольную закупку» – якобы собирались приобрести современное оружие, на чем он и спалился. С экстрадицией в Штаты проблем не оказалось. Приземление на авиабазе «Стюарт» Национальной гвардии США, суд на Манхэттене, мера пресечения в виде содержания под стражей в подземной нью-йоркской тюрьме «для особо важных персон». Подготовка к судебному про-

цессу растянулась на полгода. Суд продолжался две недели, и свидетели обвинения шли потоком. Бутерс вину не признал, но получил обвинение по четырем пунктам: сговор с целью убийства граждан США, аналогичный – с целью убийства лиц, находящихся на госслужбе, попытка приобретения и продажи зенитно-ракетных комплексов, поставка оружия террористическим группировкам. Над Виктором Павловичем серьезно нависло пожизненное заключение. «Прогрессивная общественность» замерла в ожидании вердикта этому «честному, порядочному, высоконравственному, отзывчивому человеку, а также законопослушному и ответственному предпринимателю» (по мнению некоторых депутатов российского парламента)…

Но случилось что-то странное. Агентами ФБР были пресечены две попытки умыкнуть господина Бутерса из-под стражи и одна попытка убить. Велась какая-то кулуарная возня. Несколько раз менялся состав присяжных. Чернокожую судью охраняли, как английскую королеву. Виктор Павлович оказался нужен чуть ли не всем спецслужбам мира, включая российские, – благодаря своему влиянию и информированности. Нагнеталось напряжение… И вдруг за несколько дней до вынесения вердикта Виктора Павловича обнаружили мертвым на полу своей камеры! Расследование выявило, что печальной находке предшествовало кратковременное отключение света (по «удачному» стечению обстоятельств вышел из строя и автономный генератор, чего ранее

никогда не случалось). Сомнений, что почивший именно Бутерс, не было, экспертиза установила: моральное и физическое истощение, остановка сердца… Безутешная вдова Наталья Давыдовна, привезенная в морг, подтвердила: покойник – именно ее спутник жизни. И разрыдалась над бездыханным телом. Американская Фемида развела руками – мол, не ждали, но бывает. Мог бы и раньше – уцелели бы деньги налогоплательщиков. Ажиотаж стихал. На самом деле Виктор Павлович был жив и прекрасно себя чувствовал, но об этом знал ограниченный круг лиц. Совместная операция Госдепартамента и министерства финансов, разработанная тщательно и вполне по-голливудски, завершилась успехом. Цель операции – изолировать обладателя секретов, наделенного исключительными познаниями о процессах, происходящих в мире, он знает ВСЁ о сильных мира сего (включая высокопоставленных американских политиков и продажных чиновников из Лэнгли). Вынесение вердикта и пожизненная посадка Бутерса разработчикам операции была невыгодна, – не бывает закрытых дверей, рано или поздно Бутерса выкрадут или прихлопнут, и его решили переправить подальше с глаз долой, надежно изолировать, к тому же чтобы никто об этом не знал. Эдакий «человек в железной маске». Выбор пал на Гуантанамо – действительно, где надежнее можно спрятать человека, как не среди множества ему подобных? Одиночный блок на краю базы, неподкупная охрана, и кого волнует, какого таинственного узника охраняют морпехи, если здесь

половина сидельцев – таинственные? Нападение на базу исключено. И командировки на Карибы работников Госдепартамента и министерства финансов можно не секретить. Логичное решение: хочешь что-то спрятать – положи на видном месте. Возникала лишь единственная проблема: каким образом доставить Бутерса на Гуантанамо? Традиционные маршруты следования, по понятным причинам, исключались. Выбрали кривой маршрут – через Мексику, Юкатан, со всеми остановками. Небольшая поблажка сеньору Баррозо, крупному поставщику наркотиков из Мексики в США, – временное перемирие с «железным» обещанием напакостить его конкуренту картелю «Хасьерос». Маршрут расписали скрупулезно за четыре дня до операции, с жесткими привязками ко времени. Одним из перевалочных пунктов назывался остров Санта-Ирина – доставка на вертолете, три часа в камере, прибытие катера под видом береговой охраны Мексики, пересадка таинственного узника на другое судно в нейтральных водах…

И самое интересное, что информация о здравии Бутерса и планах по его изоляции дошла до Лубянки! Человеку, который это провернул, можно ставить памятник. Но имя его неизвестно, и речь не о нем. Светлые головы в российских структурах соображали быстро. Никакого доклада наверх, круг посвященных предельно узок. Бутерс должен быть нашим! Добыть любой ценой! Но лучше изящно и без шума. Будет «засветка» – переживем, какие претензии к рос-

сийской стороне; товарищи американцы, родненькие, разве официально не подтверждено, что Бутерс мертв?

Группа опытных специалистов немедленно вылетела в Каракас. Венесуэльцы не возражали – остались должки на совести. Помимо группы боевых пловцов, разбросанных по салону, летели три специалиста по подводным лодкам проекта «Пиранья», все в годах – командир-штурман Бузыкин, электромеханик Стеклов и Федор Иванович Фещенко, помощник Бузыкина по радиоэлектронному вооружению. Вся компания – туристы из Чехии, с подлинными венесуэльскими визами в липовых паспортах. За несколько часов реанимировали прозябающую на дальнем причале «Пиранью» и приступили к операции. Время доставки боевой группы высчитали практически идеально. Имелось опасение, что россиянам подкинули «дезу», но риск был незначителен – источник заслуживал доверие.

И еще этот нарастающий треск вертолета…

Винтовая машина приближалась от Пуэрто Фелипе. Янки укладывались в график – две минуты четвертого. Точка в небе делалась отчетливее, обрастала «изображением» и вскоре превратилась в легкомоторный многоцелевой вертолет «Bell-206», разработанный компанией «Bell Helicopter Textron». Машина зависла над тюремным двориком и стала неторопливо снижаться, покачивая полозьями. Прожектор освещал площадку для приземления. Полозья коснулись ка-

менных плит, машина вздрогнула, а несущий винт продолжал вращаться. Из караульного помещения, зевая во весь рот, выбрался сутулый тип в защитном и побрел на «рандеву». Но приближаться к вертолету не рискнул – воздух вокруг него закручивался, как в эпицентре урагана. Из тюрьмы с выразительной миной «зачем я проснулся?» вышел еще один – для этой цели подрядили Мишку Черкасова, как наиболее чернявого и небритого. Глеб лихорадочно мотал на ус: экипаж данной модификации – два пилота, мест для пассажиров – не более шести. Глушить мотор пилоты не будут, убедятся лишь, что все в порядке…

Пока все шло по плану. Двое «в штатском» спрыгнули из геликоптера на площадку, приняли третьего – грузного, в темном тренировочном костюме, с завязанными за спиной руками. Голову мужчины украшал мешок, завязанный на шее. Его мгновенно взяли под локти, пригнули голову. Спустились еще двое – в блеклых ветровках. Один из них сунул руку за пазуху, стал осматриваться. Вся компания направилась к Глебу. Ноги узника волочились по земле, ему и шага не давали ступить самостоятельно.

– Буэнос ночес! – прокричал по-испански темноволосый мужчина с крючковатым носом. – Меня зовут Джонатан Бакли. Надеюсь, вам сообщили о нашем прибытии?

– Si, – кивнул Глеб и зевнул, не прикрывая рта.

– Мое имя Уильям Уикерман. Вы должны предоставить нам отдельное помещение! – крикнул второй – лысоватый, с

продолговатой физиономией. – За нами прибудут через три часа!

– Si, – повторил Глеб и кивнул на дверной проем, к которому привалился Черкасов, с равнодушным видом поплевывая в пол. – Проходите, все готово. Помещение прямо по коридору. Начальство предупредило о вашем прибытии, и нам без разницы, кто вы такие…

Все четверо буквально раздевали его взглядами. Хотелось надеяться, что он ничем себя не выдал, просто работа у них такая – подозревать и проверять. Человек в мешке был единственным, кто относился к происходящему индифферентно. Он висел на двух опорах, опустив голову, и, казалось, спал.

Глеб вошел первым, покосившись на Мишку, и теперь уже Черкасов, уставший зевать и грызть неприкуренную сигарету, стал объектом внимания. Оторвался от площадки вертолет, завис, начал разворачиваться кабиной к побережью, и настроение улучшилось. «Клиенты» уже в капкане, дверь закрылась. Шаркая ногами, Глеб тащился по тускло освещенному коридору, следом топала вся честная американская компания. Он не оглядывался, хотелось верить, что Черкасов уже замкнул шествие.

Остановился на пятачке, откуда просматривалась разруха первого этажа, и обернулся, ожидая отстающих.

– Вниз, сеньоры, – кивнул он на лестницу, – апартаменты уже готовы…

– У вас какой-то странный испанский, – настороженно

подметил человек, представившийся Джонатаном Бакли (с таким же успехом он мог представиться Самюэлем Клемансом, а Глеб – Иваном Сергеевичем Крыловым).

– Да, мне тоже показалось, – проворчал «Уильям Уикерман».

– Я американец, работаю по контракту, – прояснил ситуацию Глеб, как-то гаденько улыбнувшись и отметив мысленно: странно ты себя позиционируешь.

Его английский был немного лучше испанского. Но «санкт-петербургский» акцент не остался без внимания. Глаза американцев тревожно заблестели, но особой роли это уже не играло. Прибыли в конечный пункт! Он ударил локтем, с вывертом руки, в висок брюнету Бакли. От подобных ударов очень больно, в голове воцаряется туман, не позволяющий применить ответных мер. Американец рухнул на колени, глаза его собрались в кучку. Одновременно Мишка на задворках замолотил руками и быстро обезвредил замыкающего. Остальные заметались. Человек в ветровке выхватил 9-миллиметровую «беретту», но с лестницы уже летели Равиуллин и Издревой и тут же набросились на ошалевших американцев. Пистолет загремел по полу. Получив по челюсти, Уикерман заверещал и отлетел к стене. Последний из прибывших выставил блок обеими руками и, получив «огнедышащую» плюху в живот, выбыл из игры. Высунулись из-за угла любознательные Маша с Любой, обиженно вытянули губки, обнаружив, что всю работу переделали без них. Стали

подтаскивать ворохи веревок, гидрокостюмы. Драка закончилась быстро, даже обидно за американцев. Мозг работал: вертолет улетел, Прихватилов наверху, Оболенский – на калитке, все о'кей. Тропинка в грот, где спрятано водолазное снаряжение, уже протоптана. Возможно, и соратники в подлодке не спят, хотя кто их знает, этих ветеранов…

Секретные агенты Госдепартамента в количестве трех особей валялись без сознания, одному из них в недалеком будущем предстояло нанести визит челюстно-лицевому хирургу. Белый как мел Джонатан Бакли приподнялся и прохрипел:

– Вы кто?

– И в самом деле, кто мы? – лучезарно улыбнулся Мишка. – Диггеры, дайверы, джамперы? Слушай, Глеб, этот бедолага смотрит на тебя, как на грузинский авианосец, ты уж объясни ему.

Объяснять пришлось на кулаках.

– Упал лицом в достоинство, – вздохнула Маша, пытаясь одновременно и нахмуриться, и улыбнуться. – Что же вы, мужчины, так неуважительно с должностными лицами самого могущественного в мире государства?

– Да пошли они, эти лица… – проворчал Равиуллин, переворачивая Уикермана, который как-то подозрительно помалкивал, потряс его, обеспокоенно приложил ухо к груди.

– Состояние больного стабильное? – предположил Издревой. – Живой? Потыкай в него чем-нибудь.

– Живой, – облегченно вздохнул Равиуллин. – Не хочу убивать американцев.

– Ты их любишь в душе, – хихикнула Люба.

– Я их фильмы люблю, – пояснил Марат. – Умеют же, гады, снимать, в отличие от наших.

– И куда нам девать этих специалистов среднего звена? – задумался Мишка.

– Связать, и на хранение, – распорядился Глеб. Он сочувствовал в душе этим людям. Профессиональное будущее правительственных агентов виделось смутно, но хоть живые…

Их связали за пару минут, оттащили к лестнице, после чего с большим любопытством уставились на грузное тело, лежащее у стены. Мужчина ворочался, издавал мычащие звуки – он чувствовал, что вне пределов мешка происходит что-то любопытное, и хотел при этом присутствовать. В его мычании прослушивалось что-то жалобное, просящее, но вместе с тем и… оптимистичное.

– Переходящий приз, – уважительно заметила Маша.

– Секретоносец наш, – с гордостью сообщил Черкасов.

– В общем, кот в мешке, – поддержал публику Глеб, пристроился на колени, вытащил нож и перерезал веревки, после чего с драматической неторопливостью принялся стаскивать мешок с головы «кота»…

Такое случается в остросюжетных произведениях – хо-

чешь увидеть одно, а видишь другое. Но данный случай являлся исключением. Мужчина со связанными за спиной руками был определенно Бутерсом Виктором Павловичем. Неизвестный широкой публике, но известный тому, кому надо. Моложавый, плотный в кости, хорошо сохранившийся для своих сорока восьми и не успевший отощать на казенных американских харчах, с жесткими слипшимися волосами, массивной квадратной челюстью, шныряющими глазами. К «обезвреживанию» почетного арестанта правительственные агенты подошли вдумчиво. Связанных рук и мешка на голове показалось мало. Рот мужчины был заткнут кляпом – жесткой кожаной бечевой и пропущенным сквозь нее теннисным шариком, качественно перекрывшим ротовую полость. Уши были заткнуты женскими гигиеническими тампонами – явно новая технология. Мало того, что этот тип ничего не видел, он еще и ничего не слышал! Освобожденный от перечисленных неудобств, он, тяжело дыша и утирая рукавом пот со лба, разминал затекшие запястья.

– Боже, парни, как славно, что вы уже здесь… – хрипел пленник по-английски и моргал, чтобы вернуть способность видеть. Способность возвращалась медленно. Но когда он разглядел лица людей, склонившихся над ним, с человеком произошла разительная метаморфоза. Он растерялся, вновь забегали глаза, и судорога перекосила лицо. Похоже, Виктор Павлович рассчитывал увидеть кого-то другого! А у Глеба в этот момент мелькнула смутная мысль, но не задержалась –

повозилась, нагадила и ушла.

– Вы кто такие, черт возьми? – пробормотал, покрываясь синюшной бледностью, Бутерс.

– Ни фига себе баян, да? – подмигнул Черкасов.

Услышав родную речь, Бутерс заволновался еще сильнее, начал мять скрюченные пальцы, кожа на небритом лице обрастала фиолетовыми пятнами.

– Это точно он? – засомневалась Люба.

– А мы на опознании? – удивилась Маша. – Да точно, кто же еще.

Бутерс поперхнулся, начал кашлять, затягивая время, чтобы собраться с мыслями.

– Послушайте… – перешел он на русский. – Какого черта тут происходит? Кто вы такие? Как вы здесь оказались?

– Распространяемся воздушно-десантным путем, Виктор Павлович, – засмеялся Глеб, – или подводно-морским, как угодно. Не знаю, огорчитесь вы или обрадуетесь, но проводится операция по передаче опасного международного преступника российским властям. Особо тревожиться не стоит – убивать вас не будут. Не один вам хрен, где сидеть? В Америке – пожизненный срок, в России могут и вовсе не посадить, у вас ведь такие серьезные покровители. Впрочем, не знаю, какие на вас виды у наших мозговедов и костоправов…

Виды, похоже, были, судя по тому, как задергалась нижняя челюсть у фигуранта. Но он сладил с потрясением и кри-

во усмехнулся:

– Что вы несете, уважаемый, какая глупость! Мы находимся у побережья Мексики…

– Серьезно? – удивился Глеб. – А теперь послушайте меня внимательно, Виктор Павлович. Перед вами группа боевых пловцов специальной разведки ВМФ России. Меня зовут Глеб Андреевич, имена остальных вас не касаются. В ближайшие часы вы выполняете только наши распоряжения, если не хотите дополнительного морального или физического ущерба. Сейчас вы наденете гидрокостюм – вам любезно его подадут – и спуститесь вместе с нами к морю. Увы, без конвоя вам теперь нельзя. У воды вам предоставят акваланг и все необходимое для увлекательного подводного путешествия на буксирном, так сказать, тросике. Карета подана, она недалеко. Ничего страшного, Виктор Павлович, вам полезно сжечь несколько килокалорий. Неудобства временные, через сутки мы будем в Каракасе, где вам предоставят отдельное помещение и обрисуют ваши дальнейшие перспективы. Там мы с вами простимся, и нам без разницы, как вас этапируют на родину – в дипломатическом ли багаже, подвергнут ли расщеплению на атомы или погрузят в кому и назовут вымышленным именем. Ни слова поперек, уяснили? Шаг влево, шаг вправо… Жалобы и претензии не принимаются – на физическую усталость, на неумение пользоваться аквалангом или страх воды, на плохое сцепление с дорогой. Со страхами у вас все в порядке, физически вы развиты, умеете

пользоваться аквалангом – одна из страниц вашей биографии об этом свидетельствует. Поднимайтесь, Виктор Павлович, не заставляйте применять силу.

– Я дам вам миллион долларов… – скрипнул Бутерс.

– Торговля начинается, – встрепенулся Мишка. – Красиво звучит, черт возьми!

– Подъем, – процедила Любаша, делая суровое лицо и швыряя Бутерсу под ноги сложенный гидрокостюм. – Преображайтесь, Виктор Павлович. А свой миллион засуньте себе в одно место, договорились? Или Армии спасения отдайте. Или Красному Кресту, кому там еще. Меньше, чем на миллиард, мы не согласны, верно, Глеб Андреевич? – и она задорно подмигнула командиру.

– Вполне, – согласился Глеб. – Каждому по миллиарду, и разбегаемся. Слабо, Виктор Павлович?

– Встать! – прорычала Любаша.

– Сука… – прошептал предприниматель, опираясь руками в пол.

Сверкнула ладошка, зычный щелчок за оскорбленную честь – и пощечина оказалась такой мощной, что прямой по челюсти был бы менее болезненным. Голова предпринимателя дернулась, он стиснул зубы, чтобы не вскричать от боли, и начал подниматься. А заведенная Любаша, пыхтя от гнева, уже намерилась вторично прибегнуть к насилию.

– Отставить, – поморщился Глеб.

– Прости, командир, – оскалилась она, – не смогла отка-

зать своей слабости.

– И в этом твоя сила, сестра, – хмыкнул Издревой.

– Вам лучше не перечить этой девушке, Виктор Павлович, – сказал Глеб. – У нее разгон от зайки до мегеры – секунды четыре.

– Помесь гоблина и эльфа, – заметила Маша, – примерно так.

– Киска гламурная, – хихикнул Черкасов.

– Мне что, еще раз взорваться? – прорычала Любаша.

Их подкараулили, когда они всей компанией валили через двор. Мощные фонари ударили в лицо и сразу же застучали автоматные очереди! Споткнулся и покатился по плитам идущий от калитки на воссоединение с товарищами Оболенский, но, слава богу, не пострадал.

«Не может быть! – ахнуло в голове у Глеба. – Как же так? Ведь посты поставили! – И снова мысль, благополучно канувшая в Лету: – Бутерс ожидал увидеть отнюдь не боевых пловцов государства Российского!»

Люди заметались в свете фонарей и вспышек, кто-то распластался на земле, остальные кинулись врассыпную. Стонал раненый. Паника колотилась в голове: как же так, как же так?!

– Бутерсом прикрывайтесь! – завопил Глеб, падая на землю. Сто к одному, что люди Бутерса, обладающие нужной информацией, примчались на помощь к своему патрону.

Но где его искать? Испарился в суете этот всем так нужный предприниматель! Перекатываясь под защиту штабелей, Глеб передернул затвор «калашникова» и, не целясь, выпустил протяжную очередь в сторону вспышек. Где-то слева и справа кричали его товарищи, открывали беспорядочный огонь. Кто-то собрался перемахнуть через забор на южной стороне, куда их прижали, но опомнился, что будет знатной мишенью, и предпочел выжить. Пули стучали по плитам, рикошетили – уже рядом с Дымовым, а он продолжал отстреливаться короткими очередями. Привстал на колено, удвоил интенсивность стрельбы, когда Издревой, пыхтя, как паровоз, протащил мимо него стонущего Равиуллина.

– Глеб, что делать?! – крикнула Маша. Где она? Он ничего не видел, все плыло перед глазами.

– К забору, всем за ящики!

Похоже, у противника имелось небольшое численное преимущество, слишком нагло и напористо он себя вел. Спецназовцы отползали к забору, огрызаясь экономными очередями. Вдруг словно пелена спала с глаз, все обрисовалось понятно и конкретно. Возвысились головы над забором на противоположной стороне, упругие фигуры в черных гидрокостюмах спрыгивали на землю, залегали, открывая беглый огонь. Боевые пловцы! Люди-«лягушки»! Враждующая партия… Так вот почему их не заметили ни Прихватилов, ни Оболенский. Прибыли на субмарине или на буксировщике. Выбрались из моря – и сразу на камни, в слепую зону, как

их заметишь?

– Экономить патроны! – крикнул Глеб, вбивая третий магазин, последний.

Атакующие нехватки боеприпасов не испытывали. Ударили дружно, из всех стволов, и под прикрытием огня еще двое спрыгнули с забора. «Зажмут ведь…» – с тоской думал Глеб, посылая в черноту одиночные пули. Когда неприятель на северной стороне накопился уже в достатке, неожиданно ударил длинной очередью Тарас Прихватилов со смотровой площадки! Глеб чуть не взвыл от восторга – молодец! Ну и выдержка у этого парня, дождался момента! В рядах врага воцарилось замешательство. Их позиция была у стрелка как на ладони. Упали двое или трое, взвыл раненый, гортанно затараторили по-английски. Кто-то залег под забором да там и стенал, когда пули стали рвать комбинезон. Кто-то пальнул по смотровой площадке и красиво перемахнул обратно за ограду. Огонь противника слабел и вскоре совсем прекратился. Только Тарас Прихватилов продолжал строчить, перебегая от укрытия к укрытию.

– Все через забор! – ахнул Глеб, взлетая на полусогнутых.

Откуда-то сбоку бежала Маша Курганова, стреляя с обеих рук из пистолета. Слева Оболенский прикрывал Любашу, та визжала, что она уже взрослая и обойдется без «провожатых». Люди посылали через забор упругие тела, сверху Люба и Оболенский втащили стонущего Равиуллина. Глеб считал прыгающих «овец» – те двое, третий, Маша, Черкасов с

Издревым… Разбежался и запрыгнул на ограду под ливнем пуль, перекатился, сорвался вниз, сдирая пальцы. Его поймали, не дали разбиться в лепешку.

– Господи, жив… – выдохнула Маша.

– Где Бутерс? – билась в нервном припадке Любаша.

– Да какая, на хрен, разница? – рычал Глеб. – Потом разберемся…

Болело все, что могло болеть – хорошо размял свои косточки. И остальным досталось не меньше. Марата Равиуллина положили рядом с забором. Он пытался что-то сказать, но только кашлял и хрипел. Пуля попала в живот, и из раны хлестала кровь. Глаза бойца закатывались. Над ним уже «колдовали» Маша с Любой, рвали на себе камуфляж, пытались остановить кровотечение. Маша при этом поминала Всесильного, а Любаша безостановочно материлась. Из-за забора доносились одиночные выстрелы и рваные очереди.

– Что это б-было, Глеб? – заикался Черкасов. – Так ведь и п-пропоносить может…

– Ясен пень, за Бутерсом пришли дружки его… – бросил Глеб. – Кроме Равиуллина, все целые?

Ответить спецназовцы не успели. Настала оглушительная тишина, и в этой тишине все похолодели, когда ощутимо вздрогнула земля и прозвучал глухой, неимоверно глухой взрыв. Такое ощущение, что рвануло где-то близко, но под многометровой толщей воды. Дошло не сразу, а ведь действительно… под многометровой толщей воды!

– Ой, мамочка… – и привалилась к забору Люба, закрывая рот ладошкой.

Остальные потрясенно молчали.

– Подождите, – заскрежетал металлом Оболенский, – вы хотите сказать, что это взорвалась…

Кожа покрывалась гусиными мурашками. Холодок струился по позвоночнику, дышать становилось трудно.

– Издревой – за мной… – сопротивляясь безысходной тоске, выдавил Глеб. – Остальным – оставаться здесь, действовать по обстановке, Оболенский – за старшего…

Они спешили, карабкались, старались не думать о самом страшном. Выбросили бесполезные «калашниковы» – все равно в них ничего не осталось – спрыгнули в воду с нависающих над морем скал, поплыли вокруг острова, прижимаясь к отвесным монолитам. Где-то за кадром гремели одиночные выстрелы, перекликались люди. Перебраться вплавь с южной на восточную оконечность Санта-Ирины не составило труда. Досаждали лишь волны, норовящие разбить их о камни. Приближался грот, где они оставили контейнер и полезные вещи. Спуститься к гроту можно и по суше, но Глеб предпочел именно этот маршрут как наиболее безопасный.

– Сиди у скалы, не высовывайся, – бросил он, набрал воздуха в легкие и нырнул. А вынырнул напротив грота – там, где глубина была по пояс, лежал в полосе прибоя, приподняв голову, и всматривался в темноту. Огромное облегчение! – в

гроте и поблизости никого не было, виднелся фрагмент контейнера. Видать, «лягушки» высадились в другой части острова – они прекрасно знали о «Пиранье», о том, что у россиян имеется промежуточная база, но не стали утруждаться ее поисками, рассчитывая одним ударом уничтожить противника. Он выползал на берег, плющась, как камбала. Перебежал в грот, махнув Сереге за скалой. Лихорадочно вооружались – «катраны» в ножны, «АДСы», хорошо выполняющие свою работу и на воздухе, и под водой, за спины. Под стволами – 40-миллиметровые подствольные гранатометы. Хитрые пули, утопленные в гильзы, система «буллпап» – когда казенник и магазин находятся позади рукоятки управления огнем, большое преимущество в ближнем бою. Единственная закавыка: под водой запас огня – две тысячи выстрелов, на суше – всего лишь сто восемьдесят. Ничего, им больше не понадобится. И снова в воду – рвались в море, преодолевая сопротивление волн. Плыли на северную сторону. Волны сносили их к камням, швыряли на отвесные стены, соленая вода разъедала царапины и порезы, но они уже не чувствовали боли. Глеб едва не завыл, когда они попали в масляное пятно, сносимое к берегу. Какие-то тряпки, раскисающие бумаги, бортовые журналы… всплывшее тело с орущим ртом. Специалист по радиовооружению Фещенко, солидный мужик, основательно за пятьдесят, рассудительный, тихий, а вот тут не выдержал, кому охота погибать лишь по причине, что Родине опять чего-то приспичило? За что? За гре-

хи наши?.. Он устал уже бороться со злостью и бешенством. Полная голова разъедающей гадости. Что тут творилось? Сообщники Бутерса прибыли на аналогичной подводной лодке (скажем, сверхмалая субмарина Mark & Mod) и долбанули торпедой? Или подкрались втихушку, установили диверсионную мину? Гадать бессмысленно. Он должен успокоиться, не нервничать.

– Глеб, эти твари всех убили, погубили лодку… – захлебывался в волнах Издревой. – Вот суки… Ну, они у меня попляшут…

А на круче снова разгорелась стрельба. Трещали автоматы – и уже не поймешь, в чьих руках они работали, все смешалось…

Они уже выбрались на северную сторону и залегли в камнях, громоздящихся уступами. Рослые скалы тянулись вверх, образуя узкие террасы. Северная часть периметра отсюда не просматривалась, лишь интуитивно ощущалась где-то за гребнем. Уже ползли по камням, сливаясь с неживой природой: «катраны» в зубах, автоматы волокли за собой на ременных антабках, следя, чтобы не брякали.

Продолговатая терраса, выемка в скале. И все же брякнуло! Из сумрака вылупилась «темная материя», метнулась, издавая горловое урчание. Глеб оттолкнул от себя автомат – все равно не успеет применить! И когда жилистый мужик, как-то крякнув, впрыгнул в позу и атакующий кулак рассек воздух, он рухнул на колени и погрузил идеально отточен-

ное лезвие в живот противника. Да еще и провернул, разрывая желудок и нисколько не жалея о содеянном. Добротные у них костюмчики – полированный неопрен, «акулья кожа», производство фирмы «Zeagle», Соединенные Штаты Америки. Жилистая масса завибрировала, застучала челюстями. Нож разрывал внутренние ткани, давно уже проследовал в пресловутую «точку невозврата», откуда живыми не возвращаются. Глеб оттолкнул его от себя, чтобы не задерживал. Некогда, спешат люди. Если с каждым по полчаса возиться…

– Скатертью дорожка… – прошептал, подползая, Издревой. – Вроде один он тут сидел, хозяйство водолазное сторожил. Посмотри, у них же криогенные акваланги – хорошо живут, черти…

В углублении кучкой валялось водолазное снаряжение. Возиться с этой грудой добротных вещей не было ни времени, ни желания. Глеб перевернул покойника. Засияли ослепительно-белые зубы, ядовитая луна отражалась в бусинках пота, усыпавших физиономию молодого негра, скончавшегося в муках.

– Американцы, Глеб, в натуре, американцы, – зачарованно бубнил Издревой. – Мы что тут, блин, Третью мировую затеваем?

– Да ничего мы тут не затеваем, – огрызнулся Глеб. – Держу пари, что они не работают на правительство Соединенных Штатов. Пытались вытащить Бутерса, зная, что его при-

везут на вертолете, да только мы прибрали его первыми, вот и пришлось им затевать войнушку. Пошли, Серега, нам еще целую стаю нужно до кондиции довести…

А наверху разгоралась отчаянная стрельба. Метались по обрыву тени, сыпались камни. Ночное небо прочертили два зигзага – спрыгнули двое, наподобие молний на эсэсовской эмблеме. Спецназовцы дружно вскинули автоматы, ударили плотно, без просветов, уже не разбираясь, по их ли душу демоны или просто мимо бегут. Те орали, тряслись, нашпигованные свинцом, катались по камням. Пришлось отпрыгнуть, иначе мертвецы увлекли бы их за собой. А наверху нарастала пальба, кричали люди – и свои, и супостаты. Такое ощущение, что спецназовцы, которым надоело валяться за забором, под прикрытием Прихватилова пошли в атаку. «Их ведь четверо всего, – машинально подумал Глеб, – две женщины, Черкасов, Оболенский… Ну, и Мамаев курган, едрить его в дышло!» Они взбирались выше, спеша на помощь своим. Пальба входила в раж. Похоже, кому-то из спецназовцев удалось обойти противника, и, используя фактор внезапности, они выдавливали чужаков с занимаемых позиций.

– Джон, уходим! – гортанно проорал мужчина «по-американски». – Эльза, Майкл, отступаем!

Посыпалась глина с обрыва, мелкие булыжники, с отчаянными воплями стали падать люди. Их уже ждали. Но слишком много оказалось супостатов на этот раз – сразу четверо, похоже, все, что осталось от десанта. Злые, истекающие

кровью, в разорванных гидрокостюмах, они довольно ловко прыгали по камням и с оружием не расставались. Обнаружив засаду, только взвыли с решимостью обреченных, полезли напролом. Глеб не успевал их отслеживать, жаркий пот заливал глаза. Он бил короткими очередями, но и по ним стреляли! Глеб увидел, как троим удалось добежать и как Издревой схватился с двумя, молотил прикладом, пытался дотянуться до ножа. А к Глебу приближалось что-то гибкое, проворное, испускающее волны страха. Он упал, перекатился, но на него уже с кулачками налетела… женщина! Бешеная, исступленная, ведьма! Сбила с ног, оседлала, зажав руки бедрами. Шлем, припаянный к гидрокостюму, свалился на лопатки, и волосы, отливающие золотом в лунном свете, красиво рассыпались по плечам. Блестели глаза, сияли зубы дьяволицы. Она молчала, занося над ним кулачок. А он помог себе добрым словцом и стерпел, когда зажглась от удара левая челюсть. Затем напрягся, выжал все, что было в организме, и с диким ревом отпустил пружину. Толчок получился что надо. Красотка не удержалась в «седле», взлетела, замахав руками, и покатилась вниз, вереща морской сиреной. Глеб дотянулся до автомата. Руки тряслись, но он стрелял туда, где весело скакали камни, и женское тело, раздробленное в хлам, завершало свой жизненный цикл. Оно не докатилось до моря, упало на наклонную плиту…

Трое рядом превратились в какую-то страшноватую шевелящуюся окровавленную горку. Глеб вынул нож и побрел

туда, где копошились люди. Перевернул одного – мужчина европейской внешности держался за разорванную глотку и смотрел на него угасающим взором. Сам дозреет. Второй конвульсивно вздрагивал, из проломленного черепа вытекала кровь. Цепкие пальцы чернокожего вцепились Глебу в грудь, словно проверяли на прочность гидрокостюм. Он что-то шипел, глотал слова, впрочем, недолго: Глеб всадил ему нож в сердце, дождался окончания агонии, отпустил…

Издревой держался за распоротый живот, губы побелели, он терпел изо всех сил. «Не жилец», – с тоской отметил Глеб, опускаясь на колени перед товарищем.

– И меня, Глеб, добей… – сипло прошептал спецназовец. – Не могу терпеть… все ведь ясно…

«Ничего не ясно!»

– Не дождешься, Серега, терпи, все нормально будет. – Глеб склонился над бойцом. Рана в животе была огромная, там все пузырилось и лезло наружу – не мог он ничем помочь! А ведь нужно было о чем-то говорить, поддерживать товарища в трудную минуту…

Он что-то бормотал, отвлекая Серегу от мрачных мыслей, а тот уже отходил, кровавая пена потекла изо рта. Вцепившись Глебу в руку, Серега прошептал, пытаясь улыбнуться:

– Хреново, Глеб, что ты последний, кого я вижу. Лучше бы девчоночку хорошенькую показали…

Не впервые на его руках погибали товарищи. Привыкнуть к такому невозможно. И как-то не думается, что когда-ни-

будь и ты умрешь у товарища на руках… Глеб смотрел на мертвого Издревого и не сразу очнулся, когда сверху посыпались призывы.

– Глеб, Серега, вы там? – взывал Мишка Черкасов. – Это вы там куролесили? Чего молчите?!

– Мы, кто еще… – хрипло отозвался Глеб, поднимаясь с колен. Он машинально кинул взгляд на море, и то ли показалось, то ли и впрямь в том месте, где луна прочерчивала дорожку, мелькнула трубка перископа. Всматрелся повнимательнее, но тщетно.

«Дулю вам!» – сплюнул Глеб и продемонстрировал противнику правое предплечье, ударив ладонью по сгибу локтя…

В ходе боя были уничтожены одиннадцать нападавших – весь отряд, прибывший на Санта-Ирину. В том числе две женщины. Одна латинос – она осталась на скале, у кромки прибоя. Вторая – светленькая, коротко стриженная, грубоватая на лицо, что характерно для «непримиримых» лесбиянок. Она висела, перегнувшись, на заборе, словно простыня, которую бросили сушиться, и кровь еще сочилась из простреленной головы. Документов при них не нашли, а ворошить замысловатый скарб на «перевалочном пункте» было некогда. Равиуллин скончался от потери крови – перевязка не помогла, медикаментов при себе не было. Весть о гибели Издревого лишь добавила уныния. Потрясенные спецна-

зовцы собирались во дворе. На Маше не было лица – восковая маска. Любаша, всхлипывая, полезла на смотровую площадку – намекнуть Прихватилову, что можно спускаться (на призывы он не реагировал), и вскоре оттуда донесся настоящий бабий вой. Полезли вверх, охваченные скверными предчувствиями, и застыли с поникшими головами. Боец, благодаря которому морские разведчики одержали пусть пиррову, но победу, лежал навзничь у ограждения. Не уберегся Тарас – уже в конце боя, когда свои выгрызали победу, видно, посчитал, что все кончилось, и встал в полный рост, чтобы выстрелить последние патроны…

Люди оцепенели, не чувствовали пронизывающего ветра. Женщины плакали.

– Послушайте, – пробормотал Оболенский, облизывая пересохшие губы, – мы должны… если не похоронить наших ребят, то хотя бы положить их как-нибудь отдельно…

– Черт… – Глеб стряхнул с себя оцепенение, ударил кулаком по ограждению, и все с недоумением воззрились на него. – Считайте меня циником, бездушным, но этого делать нельзя! Никаких подсказок тому, кто будет здесь ковыряться. Если вскроется, что российский спецназ хозяйничал на чужой территории, разразится такой скандал, что мало не покажется! Мы и без того умудрились со всеми рассориться. Ребятам не поможешь, рано или поздно мы их похороним. Задания никто не отменял. Ищем Бутерса! Он здесь, на острове, не мог он сбежать! Забился в какую-нибудь щель, сту-

чит зубами…

– А если он до акваланговдобрался? – уныло пробормотал Черкасов.

– Не каркать! Любаша, остаешься здесь, у тебя должно быть четыре глаза. Остальные – вниз, разобрать в караулке фонари и искать упыря, пока не найдем. И осторожно – на острове масса бесхозного оружия, он мог вооружиться. Прошу учесть, что времени у нас – хрен. Здесь такое творилось – скоро слетятся… Все целы? – спохватился он. – Раненых нет?

– Относительно, Глеб Андреевич, – глухо отозвалась Маша. – У меня такое чувство, что я уже никогда не буду мамой…

– Будешь, – возразил Глеб. – И мамой будешь, и бабушкой, и прабабушкой – если повезет. За работу, ребята, за работу, считайте это авралом на палубе…

Они обшаривали проклятый остров, то и дело натыкаясь на трупы. Заглядывали в расщелины, за каждый камень. А ночь неумолимо преображалась в утро – шторм на море слабел, стихал напор ветра. Далеко на востоке, где Карибское море смыкалось с карибским небом, уже серебрилась полоска, постепенно расширяясь, светлея. Спецназовцы перекликались, чтобы дважды не ходить по одному месту. Глеб пронесся через двор, сдернул брезент со штабелей. Вооружившись фонарем и пистолетом, ворвался в тюрьму, протопал

по разрушенным помещениям первого этажа, покосившись на американцев, которые уже приходили в себя и задавались резонными вопросами.

– А ну, лежать, ишь, любопытные! – прикрикнул он, и янки застыли, со страхом уставившись на оборванного, испачканного чужой кровью диковатого парня, тычущего в них стволом бесшумного пистолета.

Глеб скатился по лестнице, пробежал мимо камер, за которыми мычали и сквернословили узники наркомафии. Шарахнулся, как от проказы, от каменного мешка, где валялись мертвые охранники и стонал один живой, пытаясь сбросить с себя товарищей по службе.

Не было Бутерса в тюрьме! Он помчался вверх, перепрыгивая через ступени, вылетел во двор, бросился к забору… и повис. Усталость сказывалась. Снова разбежался, подпрыгнул, уцепившись за гребень, заелозил носками. В этот «подвешенный» момент со смотровой площадки истошно завопила Люба Ворошенко:

– Эй, народ, вы где?! Я вижу его!! Он над нашим гротом, десять градусов на северо-восток!! Ау, вы где, вашу мать?! Чем вы там занимаетесь?!

– Понял, Любаша! – крикнул Глеб.

И откуда только взялись силы? Он перелез через забор и грузно побежал по «экстремальной» тропке. Не он один услышал призывный вопль. Все услышали, даже Бутерс. Глеб переваливался с камня на камень, кляня себя за медли-

тельность, а в районе грота уже происходили драматические события. Осталось загадкой, где отсиживался Бутерс (а он оставался в «дарованном» российским спецназом гидрокостюме), но, видимо, отсиживаться надоело и он решил попытать счастья. Ему почти повезло – он был уже в двух шагах от контейнера, акваланговъ и ласт, но в этот момент ему на голову свалилась Маша Курганова, разъяренная и дикая. Виктор Павлович заметался, заскользил в пропасть, подвывая от ужаса, и как-то ухватился за выступ в скале. Он висел над гротом, болтая ногами и оглашая пространство лебединым криком. Вниз не смотрел, считал, что под ногами пропасть, но это было не так – не больше двух метров. Маша стояла над ним и чесала затылок, пытаясь понять, какие действия с ее стороны будут наиболее уместны. Попытки вытащить из пропасти «секретоносца» были равносильны самоубийству. Пока она раздумывала, пальцы «висельника» разжались, и он с тоскливым воем устремился вниз. Упал и сильно удивился – почему он жив? Переломов у Бутерса не было, если не считать отбитой задницы. Он заметался по узкой полосе пляжа. Маша не рискнула повторять рискованный трюк, отправилась в обход, цепляясь за острые края. Но от северных скал уже плыл вразмашку Оболенский, а на Машу, издавая звуки дуделки «уйди-уйди», съезжал растрепанный Мишка Черкасов. Он не стал выискивать безопасную тропу, а просто скатился камнем в воду и выбрался на песок, болтаясь при этом, как маятник. Бутерс оказался зажатым у грота и в

отчаянии вскинул где-то добытый пистолет. Грянул выстрел, и от его звука сердце у Глеба сжалось. Но Мишка умел, если нужно, увертываться от пуль, он кувыркнулся через голову, уходя под защиту вросшей в песок глыбы. Бутерс снова надавил на курок, но патрон в обойме был единственным. Он забегал лихорадочно по узкому пляжу. С одной стороны, злорадно лыбясь, подбирался Черкасов, с другой – Оболенский. Маша решила не путаться под ногами, села на краю обрыва, свесив ножки, и приготовилась смотреть «кино».

– Виктор Павлович, побойтесь бога! – крикнул уже практически спустившийся Глеб. – Нашли мальчиков, бегать тут за вами… Все равно поймаем, а нам еще предстоит такое утомительное путешествие!

– Да пошел ты, умник! – взвыл предприниматель.

– Мужики, хватайте его, надоел уже! – прокричал Глеб.

Спецназовцы сжимали охват, Виктор Павлович усиленно крутил головой. Ну, не хотелось ему по неизвестным, но очень веским причинам возвращаться под конвоем на Родину! Его уже почти схватили, когда он испустил тоскливый вопль, провинтился между спецназовцами и бросился в море.

– План «Перехват» результата не дал, – глубокомысленно изрек Мишка.

– Да как он уже достал! – воскликнул Оболенский и кинулся догонять предпринимателя. Смотрелось это дико и смешно. Он получил по груди волной, но все же настиг Бу-

терса, когда тот погрузился уже по пояс, схватил его за горло и повалил. Оба ушли под воду, потом появились и снова пропали, когда их накрыла «девятая» волна.

– Какая откровенная сцена, – восхитился Черкасов, спеша на помощь товарищу.

Когда рычащего предпринимателя выбросили на берег, Маша с Глебом уже подтаскивали к полосе прибоя контейнер и ласты с аквалангами.

– Я не понял, – изумлялся Глеб, – почему в контейнере наши липовые документы и американские доллары? Разве мы не должны были все это оставить на подводной лодке?

– А кто был ответственный за то, чтобы все оставить? – ухмылялся Мишка.

– То есть ты не выполнил прямое распоряжение начальства?

– Не выполнил, – согласился Черкасов. – Но, согласись, приказ был глуп, и в нашей ситуации лучше с деньгами и фальшивыми документами, чем совсем без ничего.

– Ладно, потом с тобой разберемся. – Глеб почувствовал облегчение. – Оружие с собой не брать, в Мексике мы долго с ним не пробегаем. Случись нужда, добудем. Контейнер прячем здесь, деньги и документы разобрать, завернуть и спрятать на теле. Виктор Павлович, вы выглядите очень усталым, – заметил он. – А ведь предупреждали, что нас ожидает утомительное путешествие…

Предпринимателя швырнули на песок, он тяжело дышал,

хватался за сердце. Затем приподнялся и, с нескрываемой злобой уставившись на Глеба, процедил:

– И откуда вы взялись, черти, на мою голову? – И внезапно злорадно рассмеялся: – Что, дорогие соотечественники, поредели ваши ряды?

– Ах, ты, тварь, смотри-ка, разговорился, – рухнула на колени Мария и ударила кулачком в оскаленный рот.

Предприниматель откинулся на песок и принялся кашлять, выплевывая раздробленное содержимое рта. Маша перестаралась, но ей хотелось повторить процедуру – никто не имеет права оскорблять память ее павших товарищей.

– Ряды ваших зубов, Виктор Павлович, кстати, тоже поредели, – не удержался от язвительной шпильки Глеб. – Товарищ боец, прекратите, пожалуйста, ведите себя достойно. А в следующий раз бейте так, чтобы хватило одного удара. Девушка права, Виктор Павлович, вы из той категории граждан, которым катастрофически не хватает п…дюлей. Готовы к путешествию? Учтите, мы будем недовольны, если вы возьметесь нас тормозить.

– Послушайте… Глеб Андреевич, или как вас там… – забормотал Бутерс, разобравшись с потерями во рту. – Я слышал взрыв, я знаю, что вы потеряли подводную лодку. Мне очень жаль, что погибли ваши люди… нет, действительно… – Он опасливо покосился на насторожившуюся Марию. – Но что вы можете сделать в этой ситуации? Переправить меня на мексиканский берег? А дальше? Вы потеря-

ли транспорт, у вас отсутствует, подозреваю, связь с руководством. Окрестности Пуэрто Фелипе – вотчина наркобарона Баррозо, он не позволит вам вольничать, вас закроют уже завтра как подозрительных чужаков. Спрятаться в районе невозможно, выбраться – трудно, все дороги контролируют «sicarios». Скоро появятся мои люди, скоро полезут американцы, у которых вы меня умыкнули. Восстановят картину, что на самом деле произошло на Санта-Ирине, и вам наступит, извините, полный крах. Зачем вам это нужно? Вас просто убьют или сгноят в мексиканской тюрьме, а мексиканская тюрьма – это посильнее преисподней. Я предлагаю два миллиона долларов за то, что вы поможете мне переправиться в безопасное место и постараетесь про меня забыть. Те люди, которым я нужен в России, – не светлые ангелы, уж поверьте; я им нужен не для того, чтобы творить добро…

Каждое слово этого человека было как ножом по горлу. Предприниматель озвучивал то, о чем Глеб старался не думать. Ему изначально не нравилось это дело, он плевал на Бутерса (нарушил законы – сиди в тюрьме!) и на структуры, имевшие на того виды, но куда деваться, если Родина приказала?

– Три миллиона, Глеб Андреевич… – повышал ставки предприниматель, и глаза его при этом возбужденно сверкали. – Три миллиона долларов! Если вы поможете мне пробраться в Канкун, я сниму их в первом же попавшемся банке, связанном платежной системой с американскими трасто-

выми компаниями…

– Ты так многозначительно помалкиваешь, Глеб Андреевич, словно всерьез рассматриваешь предложение, – саркастично заметила Маша.

– Он ждет дальнейшего повышения ставок, – предположил Мишка.

– Эй, вставайте! – проорал у них над головой звонкий женский голос. – Пришла беда, откуда ждали! – и со скалы, ловко перебирая руками и ногами, сползла взволнованная Любаша. – От городка в нашу сторону идут два катера с прожекторами, набитые под завязку вооруженной публикой. Они уже рядом, это люди наркобарона, кто же еще? А может, береговая охрана. Командир, тебе не кажется, что четвертого сражения мы не выдержим?

– Идут к причалу? – встрепенулся Глеб.

– Вот уж не знаю, – развела руками Любаша. – Если к причалу, то хорошо, и у нас вагон времени. А если один из них решит обойти остров, то это такая засада, командир…

Последствия оценили верно. Предпринимателя поднимали пинками. Натягивая ласты, он что-то бормотал про четыре миллиона долларов, про пять миллионов долларов, про шесть, про то, что, если скинуться, на эти деньги можно приобрести неплохой средневековый замок в окрестностях Луары… На него водружали аквалангистское снаряжение, прикручивали фонарь на лоб, затягивали ремни, давали последние инструкции, от которых он не имеет права отступать, ес-

ли не хочет потерять последние зубы. «Если так пойдет, то к завершению путешествия на Викторе Павловиче живого места не останется», – с какой-то брезгливостью подумал Глеб. Контейнер втащили в воду, чтобы не оставлять врагу и не давать ему пищу для размышлений. Бросили на глубине примерно десяти метров – пусть ищут. Глеб заходил в воду последним. Фонарь на голове работал, вроде ничто не забыто. О будущем лучше не думать… Он обернулся, задрав голову. На Санта-Ирину, судя по крикам и дребезжащему мотору, уже высаживался «десант».

Из-за северных скал, на дистанции полутора кабельтовых, возник остроконечный нос катера, на баке горел прожектор. Судно разворачивалось, и прожектор вместе с ним, на палубе гомонили люди. Озарилось море, побежала световая дорожка к восточному берегу островка. Еще секунды четыре – и она бы высветила заходящую в море фигуру. Глеб ускорился, волоча ласты задом наперед, улегся спиной на волну, и пучина проглотила его…

В подводном плавании не было ничего утомительного, если не думать об акулах и муренах, изобилующих в здешних водах. Шли по свету фонарей, стараясь не сворачивать, – строго на запад. Неудобства доставлял лишь «ценный груз», оказавшийся неважным пловцом. Приходилось трясти у него под носом кулаком, дважды всплывать, при этом он жадно хватал воздух, и глаза вываливались из орбит. О

кессонной болезни речь не шла, плыли у поверхности воды, декомпрессия со множеством остановок для подъема не требовалась. Берег приближался, вырисовывались на фоне светлеющего неба метелки пальм, склонившиеся над водой, узкие полосы песчаных пляжей, дебри прибрежных кустарников. Городок Пуэрто Фелипе остался справа, за длинной песчаной косой. Перед каждым погружением Глеб оглядывался. Таяла Санта-Ирина – сначала превратилась в кучку, потом в точку. Там горели прожектора. Одно из суденышек вошло в западную бухту, где имелся причал, можно было предположить, что «sicarios» уже обшаривают остров и «чешут репы». Второе судно встало у восточной оконечности, сноп света метался по каменным террасам, спускался к воде.

Пляж, на который они выползли, был идеален для купания, но являлся страшной мукой для водолаза. Тащиться в полном снаряжении по мелководью – хуже не придумаешь. Пока добрались, семь потов сошло. Они выползли на берег, полностью обессиленные, стащили опостылевшие акваланги, ласты, резиновые шлемы. Кашлял, держась за живот, кляня святую Деву Марию и Российскую Федерацию, предприниматель Бутерс. Отметив, что все живые, Глеб выбрался из полосы прибоя, где черный песок впитывал воду, оставляя от нее лишь пену, расстегнул комбинезон и рухнул, чтобы отдышаться. Люди собирались, даже Бутерс подполз, перевернулся на спину и молитвенно уставился в небо.

– Жуть какая, словно неделю окопы рыла, – призналась

Маша.

– И мы по-прежнему в дерьме, – печально заметил Оболенский.

– Значит, отмыться надо, – покосилась на него Люба, – а то засохнет, потом от запаха не избавишься.

Оба посмотрели друг на друга и невесело засмеялись. Маша пристроилась недалеко от Глеба и начала с удивлением осматриваться. В воздухе назойливо пахло йодом. Волны с шелестом набегали на берег, отступали, оставляя шипучую пену. Рослые пальмы с непричесанными метелками клонились к морю. До низкорослых зарослей было метров двадцать, и выглядели они не очень привлекательно. И звуки издавали подозрительные. В округе никаких живых существ – участок пляжа был необитаем. По примерным оценкам, до Пуэрто Фелипе здесь было километров пять.

– Ну, надо же, – расчувствовалась Маша, – мечтала об отпуске в экзотической стране, и вот, свершилось…

– Осуществляются мечты, – согласился Глеб. – Ты, кстати, знаешь, что по липовым паспортам мы с тобой муж и жена? Не знаю, почему так вышло и кто решил над нами подшутить, но это чистая правда.

– Не может быть, – изумилась Маша. – Лично я – Павлина Пта́шкова, гражданка Чехии, проживаю в Праге на Карловой улице в районе Кржижовницкой площади – хотя ума не приложу, где это…

– Очень приятно, – улыбнулся Глеб. – Ян Пташек, инже-

нер, проживаю там же. Ни звука не знаю по-чешски – да, собственно, и не планировалось, верно? Мы летели в дружественную Венесуэлу по особому списку, проходили в Каракасе через зеленый коридор. Паспорта – это просто подстраховка. И вот с этими документами, в которых последняя отметка – штамп таможни Венесуэлы, не зная ни слова по-чешски, мы возникаем в Мексике, из морской волны… в общем, полная чушь. Не могу избавиться от мысли, что наши нынешние документы равносильны их полному отсутствию. Их невозможно кому-нибудь показать.

– Давайте не будем о грустном, ну, пожалуйста… – взмолилась Люба.

– У тебя синяк на челюсти сияет, – подметила Маша, всматриваясь в измученное лицо Глеба. – На боксера попал?

– На девушку, – поморщился Глеб. – Она уселась на меня верхом и требовала, чтобы я дал ей то, чего не мог дать по этическим соображениям.

– Но тебе понравилось, – хихикнула Маша.

– Очень.

– Шесть миллионов, Глеб Андреевич… – простонал Бутерс.

– Побойтесь бога, Виктор Павлович, – укорил бизнесмена Черкасов. – Ставки растут, это, безусловно, радует, но шесть миллионов уже было. Вы повторяетесь.

– Деньги на бочку, господин Бутерс, – пробормотал Оболенский. – Семь миллионов, восемь? Кстати, если вы с ариф-

метической прогрессии перейдете на геометрическую, думаю, в районе обеда наши сердца растают, верно, Глеб Андреевич?

– Да тьфу на вас! – расстроился предприниматель и отвернулся.

– Это взятка, – поинтересовалась Маша, – или добровольная помощь малообеспеченным слоям населения?

– А я вот где-то слышала, что для большинства женщин, обитающих на планете, Бенджамин Франклин – самый желанный мужчина в мире, – как бы между прочим заметила Люба. И замолчала – видно, стала прикидывать, куда бы истратила свою долю от взятки в крупном размере, и сравнивала ее с зарплатой.

– Расслабьтесь, Виктор Павлович, – посоветовал Глеб. – Вы убеждены, что долго мы в этой местности не пробегаем. Так чего вам переживать? И деньги целыми останутся, и не придется сокрушаться о потере миллионов. Вам нужно лишь остерегаться парней Баррозо. Если люди, перевозившие вас на Гуантанамо, как-то договорились с этим уважаемым сеньором, почему бы им повторно не договориться? Очень скоро здесь появятся ваши люди, они отобьют вас у наркоторговцев или у людей, работающих на Госдеп, если вас вдруг схватят. Вдумайтесь, Виктор Павлович, ваше положение намного лучше нашего. Может, имеет смысл перейти под ваше покровительство? – Он недобро засмеялся, и Бутерс предпочел не комментировать.

Положение складывалось пикантное. Связи с внешним миром не было. Радиосвязь внутри группы осуществлялась с помощью индивидуальных УКВ-радиостанций. Для связи с лодкой применялся КВ-приемник, но что об этом вспоминать… В голове отложились несколько номеров, но для этого предстояло добраться до ближайшего телефона. Не столь уж сложная проблема. Им нужно где-то спрятаться, отсидеться. Глеб не дал им понежиться на песочке, поднял, погнал в дебри. Тревожили следы, оставшиеся после них. Понятно, что виновников тарарама на Санта-Ирине будут искать. Причем искать их будут и клевреты Баррозо (за массовое убийство «мирных sicarios»), и дружки Бутерса, и его враги. Полный винегрет. А по следам отчетливо видно, что шесть человек вышли из моря, передохнули и растворились в зарослях, к тому же никакой надежды на дождь…

Светало неудержимо. Они пробивались, используя «катраны», через плотные заросли какой-то диковатой растительности с глянцевыми листьями, увязали в раскидистом папоротнике, и вскоре Мария начала ворчать, что ее уже кусают и отпуск в экзотической стране представлялся как-то иначе. Виктор Павлович пару раз пытался отстать, но ему придавали ускорение, намекая, что при неправильном поведении он может оказаться на «цепи». Заросли погружались в низину, подрастали деревья, рассасывался надоедливый подлесок, и вскоре стали появляться одинокие скалы, усыпанные прожилками минералов, а позже и целые массивы плот-

но сбитых скал. Организмы взывали к отдыху, головы не варили. Рассвет уже растекся, наливалась сочными красками тропическая зелень. Впереди заголубел просвет, извещающий о том, что прибрежные джунгли готовы оборваться. За островком кустарника обнаружилась скала, в которой чернел внушительный провал. Протиснуться во мрак можно было, лишь согнувшись пополам. В пещере было сухо, живность здесь практически не водилась, не считая пятнистой ящерицы, которая при появлении чужестранцев поспешила сбежать. Черная полость освещалась с улицы, на полу валялась крошка, обломки камней. Другого выхода из пещеры не было. Бутерс падал от усталости, последние полчаса он практически не разговаривал. Его втащили в пещеру, он равнодушно отнесся к очередному ущемлению его прав – лежал на боку, глаза обрастали мутью, закрывались, а водолазы жестко скручивали ему руки за спиной стеблями лиан, обвивали лодыжки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.